

А.В. Федорова

**КРАЙ
ОРЕНБУРГСКИЙ:**

**ЛЮДИ,
СОБЫТИЯ,
ФАКТЫ**

Оренбург, 1999

А. В. Федорова

Край Оренбургский: люди, события, факты

Рецензент - доктор исторических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета Л. И. Футорянский

- " Малоизвестные страницы
- " Оренбуржье многонациональное
- * Народные традиции
- " Казачество Урала
- * Сталинизм
- * Великая победа
- " Уроки целины

Автором была поставлена цель создать краеведческий сборник, призванный расширить знания по истории Оренбургского края.

В сборнике освещаются наиболее важные проблемы становления и развития Оренбургского края. Он включает публикации автора, основанные на архивных документах.

Материалы сборника окажут помощь в подготовке и чтении спецкурсов и лекций, будут полезны краеведам, учителям, студентам, учащимся.

История Оренбургского края - это труд громадный, почтенный, важный не в местном одном значении, но вообще для русской истории.
Оренбургские губернские ведомости 1881 г., №29., С. 5.

Истории единая река

Пожалуй, только в детстве кажется, что все начинается с нас. Но наступает зрелость, и с ней приходит понимание неразрывной общности прошлого, настоящего и будущего. "История народа - это выходящая из дали веков река, и те, кто жил в ее верховьях, имеют такое же право на свое место в памяти потомков, как и оказавшиеся ближе к нам по течению времени".

История - это представленная в документальном факте жизнь человека, поселения, страны. Возрастающий сегодня интерес к истории объясняется не только стремлением лучше узнать прошлое. Скорее всего, мы как раз исходим из того, что история - не только минувшее. Человек всегда, опираясь на свой опыт, устремлен в будущее. Именно поэтому любой исторический документ представляет несомненную ценность и для современников и для их потомков.

Место, где человек родился, он называет родиной. Землю, на которой издревле жили отцы и деды, именуют Отечеством, отчизной, отчим краем. Отчизна там, где говорят на родном языке, сообща трудятся, а при опасности все вместе, не жалея жизни, защищают Родину, край отцов. Но живя на родной земле, считая ее своей по праву, часто ли мы вспоминаем тех, кто жил на ней раньше нас и для кого она тоже была родной? Ведь поля, по которым нынче движутся трактора и комбайны, в давние времена уже пахали - сначала деревянной сохой, а потом железным плугом - родственные нам по языку люди.

Человек хочет, чтобы о нем помнили, чтобы жива была память об исторических событиях, в которых он участвовал сам или которые произошли в прошлом и определили судьбу его страны, его народа. Он верит, что справедлива поговорка древних "Historia est magistra vitae" - "История есть наставница >ки:ш". Стремясь к будущему, он черпает идеалы доблести, долга, справедливости в прошлом и старается им подражать.

В сборник включены краеведческие статьи предварительно опубликованные на страницах газет "Южный Урал", "Оренбуржье", "Оренбургская неделя", а также в научных трудах. Автор использовал достижения отечественных научных изысканий, а также широкий круг разнообразных источников: документальные публикации, прессу, мемуарную литературу, статистику, наконец, что особенно ценно, материалы архивов Оренбурга, Москвы, Санкт-Петербурга и др.

Сборник охватывает сравнительно небольшой отрезок времени - чуть более века, - но чрезвычайно важный, насыщенный процессами и событиями, во многом определившим судьбу" россиян. Автор сделал попытку обрисовать портреты некоторых известных деятелей Оренбургского края. Этого нельзя было бы сделать в отрыве от событий, в которых эти люди принимали участие. Данный сборник является попыткой рассказать современному читателю о нелегком пути, проделанном Оренбуржьем в XX веке, о традициях и обрядах оренбуржцев, о малоизвестных событиях прошлого Южного Урала.

На одной земле

На территории Оренбургского края издавна жили люди многих национальностей: башкиры, казахи, мордва, немцы, русские, татары, украинцы, чувашаи и др. Оренбургская область на протяжении всей истории была местом тесного соприкосновения европейских и азиатских народов. По своему национальному составу наш регион уникален: на его территории сосредоточены большие группы славян, финно-угров, тюрко-язычных народов, а также представителей романской языковой семьи.

Национальное чувство - одно из самых деликатных и уязвимых, затронешь неосторожно - вызовешь боль. В горячих обсуждениях национального вопроса порой действительно наблюдается налет болезненной уязвимости. Народный поэт Башкирии Мустай Карим по этому поводу сказал: "Не говорит ли это о том, что здесь мы упускаем всеобщую связь? То есть, не всегда свою судьбу рассматриваем в тесном взаимодействии, взаимосвязи с судьбами других".

История накопила бесчисленное количество доказательств "всеобщей связи" народов, живущих на территории Оренбургской области. Знаменательно, что в XVIII в., осваивая край, славяне, тюрки, финно-угры селились рядом. Ярко выражен многонациональный состав следующих районов области: Асекеевского, Беляевского, Бугурус-ланского, Кваркенского, Красногвардейского, Северного и др. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Северном районе проживает и тесно сотрудничает 44% русских, 35,5% мордвы, 17,9% татар. В XVIII веке на территории Асекеевского района практически одновременно возникали села, основанные славянами, тюрками, мордвой. Раньше всех были основаны башкирские села Алексеевка, Старое ултангуло во, Старокульшарипово (позднее они стали татарскими). Затем появились русские села Новикова - 1772 г., Кисла - 1777 г., Троицкое - 1792 г. Рядом в с. Алексеевка в 1781 г. поселилась мордва, в с. Самаркино - чуваша в 1787 г., в с. Кутлуево - татары в 1790 г.

В 1774 г. на берегах Бузулука появилась деревня Курманаевка. Её основали новокрещенные чуваша, по соседству стали жить выходцы из Курской губернии во главе с поверенным крестьян по переселению Ильёй Кандауровым. Село Сидоркино Бузулукского района было заложено новокрещенными чувашами и беглыми русскими в конце XVIII в. В Матвеевском районе русские поселились у речки Садак между татарскими деревнями Старая Аширова и Старая Кутлумбетова. Украинские казаки станицы Нежинской из Черниговщины жили с крещеными татарами Алексеевского и Билярского полков. Среди нежинских казаков, начиная с 60-х годов прошлого века, были как мусульмане, так и православные, но однако никакой религиозной вражды среди нежинских казаков не возникло.

В станицах Аландской, Бриентской, Кваркенской, Андрианопольской, Кульма служили русские и калмыки. В Бриентской, например, насчитывалось 237 русских и 112 калмыков, в Кульме 333 русских и 117 калмыков. Почти два столетия живут вместе в с. Бородинское Ташлинского района русские и мордва. Эрзяне, вывезенные из Арзамасского уезда в конце XVIII в., навсегда остались на уральской земле. В Беляевском, Красногвардейском, Александровском и других районах поселились немцы, завезли новые, ставшие впоследствии привычными названия своих населенных пунктов - Блюменталь, Цибарт и др. В Бугурусланском районе в годы столыпинской реформы появились поселки Петровский, Стебновский, Лукинский, Пчелиный. Их основали переселенцы-украинцы из Полтавской, Киевской, Черниговской губернии. В с. Троицкое Соль-Илецкого района, заселенное украинцами в начале XX века, постепенно перебрались казахи из близлежащих аулов и село длительное время существовало как украинско-казахское. Область в настоящее время богата русско-мордовскими и мордово-русскими селами: с. Секретарка: русских 293, мордвы 432; с. Северное: русских 2171, мордвы 947; Новодомосейкино: мордвы 186, русских 100 и т. д.

По переписи 1897 г. на территории Оренбургской губернии проживало 1600145 человек, в том числе русских - 1125040 (или 70,4 процента), башкир - 254561 (15,9), татар - 92926 (5,8), украинцев - 41541 человек (2,6), мордвы - 38403 (2,4), тятярей - 16877 (1,1), немцев 5457 (0,3), чувашей - 5064 (0,3), казахов - 4971 (0,3), мешеряков - 4898 (0,3 процента) и т. д. Таким образом, на долю нерусских народов и народностей приходилось примерно 30 процентов общей численности губернии. (Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Т. 28. Оренбургская губерния. - СПб., 1904. - С. 10). По мнению историка Ю. П. Злобина "заселение и хозяйственное освоение

обширного края крестьянами разных национальностей, с одной стороны, соседство с районами традиционного проживания башкир, татар, казахов с другой, наложил своеобразный отпечаток на национальный состав населения Оренбургской губернии в конце девятнадцатого века". Переселенческое движение, связанное с проведением столыпинской аграрной реформы в начале XX века, завершило формирование национального состава населения края - в дореволюционное время.

Основную массу оренбургских и уральских казаков составляли русские. Однако в казачьих полках служило немало татар, башкир, мордвы, казахов. Так, в Оренбургском казачьем войске, насчитывавшем в 1882 г. 302 тысячи человек населения, кроме русских, составляющих подавляющее большинство - 80 процентов, было 25 тысяч татар, 5 тысяч мордвы, 1204 калмыка, 588 марийцев, 460 чувашей, 420 казахов, 330 башкир, 60 поляков. В Государственном архиве Оренбургской области хранятся дела о причислении казахов в Оренбургское и Уральское казачьи войска за 1851, 1855, 1856 годы (ГАОО. ф 6 Оп. 12. Дела 76, 1425, 135, 1238 и др.).

Топонимика отчетливо демонстрирует многонациональное Оренбуржье. Блюменталь в переводе с немецкого означает "долина цветов", название Саракташ ведет от названия горы Саракташ и объясняют его как "овечий камень" (по башкирски: сарык - овца, таш - камень). Река Чертанлык означает по башкирски "щучья река". Терен-Сай с казахского переводится "глубокая балка". Кумак - левый приток Урала, - с казахского языка переводится как "белопесчанка" (кум - песок, ак - белый). Название поселка Чувашского в Первомайском районе говорит само за себя. "Коренные его жители происходят из чуваш", - свидетельствует один из уральских казаков прошлого столетия. (Уральские войсковые ведомости. - 1890. - 30 декабря.) Секе-тарка - по мордовски "прежнее место" (ныне Секретарка). В начале XX века в Бугурусланском уезде находим деревню Мордовская Нико-лаевка, села Мордовское Аделяково, Мордовский Бугуруслан, Мордовская Бокла. Поселок Мордовский находился в Пономаревском районе. Известны такие населенные пункты, как Мордово-Добрино, Мордо-во-Кандыз. В Кувандыкском районе располагается известное урочище Китарбалка. Название является смесью казахского имени Китар с русским словом балка.

Национальное разнообразие отразилось во многих событиях, фактах, в судьбах людей, живущих на территории Оренбургской области. Столица края строилась совместными усилиями. У И.И. Неплюева были неограниченные права, но привлечению на строительство многих тысяч людей: русских, башкир, марийцев, калмыков, чувашей, мордвы и других народов. Хозяйственных, культурных и других связей избежать было нельзя. В середине XVIII века в Оренбурге была создана специальная коллегия из шести лучших купцов, торговавших в Оренбурге: русских Журавлева, Тпердышева, Кикина, армянина Макарова, грека Мавродия, татарина Абдуллы Хаялина. В феврале 1753 г. именным указом Елизаветы оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву было выдано разрешение русским, греческим и татарским купцам на торговлю с восточными странами. В 1764 г. в Оренбург на Меновой двор приезжало 17563 казаха, в восьмидесятых годах XVIII века среднегодовой приезд возрос до 47, 9 тысяч человек. (Апполова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII - начале XIX в. - М., 1960. - С. 237). Оживленная торговля в конце XIX в. шла через некоторые станицы. В станице Верхнеозернинской торговали русские, казахи и башкиры. Башкиры привозили

пеньку, мочало, деревянную тару, мед. Казахи - мясо, скот, шерсть, кумыс. Из Верхнеозернинской везли хлеб, посуду, ткани.

В XIX в. русские часто брали к себе на воспитание казахских детей-сирот. До нас дошли имена некоторых из этих людей: оренбургская казачка Казанцева воспитывала мальчика, протоиерей Введенский заботился о крещенной казашке Яковлевой. Писатель В. Г. Короленко сообщает, что уральский казак, русский по национальности, после смерти пастуха-казаха, окрестил двух его детей и оставил у себя, дав им свою фамилию - Портновы. Впоследствии заботился о них. (Короленко В. Г. Записные книжки. - М., 1935. - С. 391).

Прошлое постоянно содействовало сплетению судеб. Оренбуржцы разных национальностей вместе прошли трудный путь двадцатого столетия. Русские, украинцы, белорусы, немцы, мордва, чувашаи шли в общем переселенческом потоке в период столыпинской аграрной реформы. Проливалась кровь оренбуржцев разных национальностей в период многочисленных войн: русско-японской, первой мировой, гражданской, Великой Отечественной. Среди героев Советского Союза мы встречаем имена русских, казахов, татар, башкир, мордвы, украинцев, чувашей. Оренбургский историк В. П. Россковский собрал и опубликовал материал о 244 Героях Советского Союза, указав их национальность. В списках реабилитированных, публикующихся ныне в районных и городских газетах, рядом стоят имена оренбуржцев самых разных национальностей.

Несомненно, наряду с положительными тенденциями, время накопило целый ряд негативных моментов в области межнациональных отношений не только в России, но и в Оренбургской области. Сократилось число читающих, обучающихся, говорящих на родном языке. Область испытывает трудности с национальными педагогическими кадрами, значительно по сравнению с довоенным временем сократилось число национальных школ и многое, многое другое.

Быт и обряды мордвы

До начала нашего века у мордвы существовали две формы семьи: большая патриархальная и малая индивидуальная. Большая семья охватывала несколько поколений потомков по мужской линии вместе с их женами, причем все они жили вместе одним двором, сообща обрабатывали свои поля, питались и одевались из общих припасов.

Число членов большой семьи иногда доходило до нескольких десятков человек. Так, журнал "Слово" за 1987 год называл мордвина, чья семья состояла из 52 душ.

Блюстителем всего хозяйственного уклада был самый старший мужчина. Его жена ведала "чисто женскими делами". Односельчане называли ее по имени мужа с прибавлением языкового компонента "ыресь" (Иван-ыресь, Максим-ыресь).

С развитием капитализма в мордовской деревне происходили постепенные изменения в большой семье. Часто семьи делились по воле отца из-за неуживчивости одного из сыновей или его жены. Делили по количеству вложенного труда и по трудоспособности. Немалую роль в переселении больших семей сыграло переселение мордвы малыми семьями. Заключение браков было не столько делом молодых, сколько их родителей и родственников. При выборе невесты основное внимание

обращалось на имущественное положение ее семьи, трудолюбие и здоровье девушки. По возрасту невесты иногда были старше своих женихов. Так, документы XVIII века отмечают у мордвы-новокрещенов женитьбу в молодом возрасте, цитирую: "Малолетних своих сыновей 8, 10, 12 лет женят и берут за них девок лет 20 и более". Объяснялось это стремлением родителей жениха путем женитьбы сына получить дополнительные рабочие руки, родителей невесты - удержать дочь возможно дольше в своем доме. Такое явление наблюдалось и у марийцев, удмуртов, чувашей, коми-пермяков.

Свадебная обрядность у мокши и эрзи в конце XIX века в основном была одинакова. Различия наблюдались лишь в деталях. В архиве Всесоюзного географического общества хранится описание сватовства первой половины XIX века.

Перед тем, как отправиться сватать невесту, отец жениха приносил жертвы богам-покровителям дома и двора и умершим предкам. Затем он отрезал от хлеба горбушку, вынимал из нее мякиш и заполнял медом. Ночью верхом на лошади он ехал к дому отца невесты и клал эту горбушку на воротный столб. Потом стучал кнутом в окно, говорил хозяину, что приехал сватать его дочь и быстро уезжал. Отец девушки со своими детьми или братьями устраивали за ним погоню. Если им удавалось догнать отца жениха, то ему возвращали хлеб с медом, а самого избивали. В противном случае отец девушки, подъехав к его дому, тоже стучал в окно кнутом или палкой и говорил, что согласен выдать свою дочь за его сына.

Отказываться от такого сватовства мордва не решалась, опасаясь гнева богов. Однако если дочь сватали в бедный дом, то отец невесты действительно стремился догнать свата, а если в богатый, то создавали только видимость погони.

В конце XIX века сватовство выглядело уже по-другому. Сначала в дом невесты шел один из родственников жениха с караваем хлеба и делал предложение. Родители невесты обычно сразу не давали ему окончательного ответа и обсуждали этот вопрос со своими родственниками. Если он решался положительно, то сам отец жениха вместе со своими родственниками приносил в дом невесты хлеб-соль, который обменивался на хлеб-соль невесты. Во время сватовства договаривались о "плате" за невесту, о подарках родственникам жениха со стороны невесты и т.д. В ряде мест после "пропоя" невесты существовал обычай ходить к жениху "дом глядеть". Осмотр его хозяйства носил шуточный характер и обычно сводился к гулянию родственников невесты в доме жениха.

Сам жених за невестой не ездил. Для поездки за невестой собирались родственники жениха. В некоторых местах у мордвы-эрзи главным лицом в свадебном поезде считалась сваха, в ряде мест - крестный отец жениха - тысяцкий. Большую роль в свадебной церемонии у мордвы-мокши играла крестная мать.

Когда за невестой приезжали родственники жениха, перед ними запирали двери. Согласно этому обычаю все сородичи невесты должны были получить свою долю от "купли-продажи" невесты. У мордвы-эрзи невеста в день приезда свадебного поезда скрывалась в чулане своего дяди. Приехавших от венца молодых в доме родителей мужа встречали с иконой и хлебом-солью, обсыпали хмелем. На 3-й день свадьбы совершался своеобразный обряд - "моление лепешек". Молодая вынимала из кадушки для приданого или сундука полотенце или скатерть и раскладывала на ней лепешки, которые были принесены ей родственниками. Во время моления обращались

к хранителю дома с просьбой полюбить взятую в дом молодую. В дар ему она вешала на гвоздь полотенце.

Интересным и своеобразным обрядом мордовской свадьбы является наречение молодой. Этот обряд связан с обычаем "избегания". Его следы видны и в том, что муж и жена обычно не называли друг друга по имени, а молодая не могла называть по имени свекра и свекровь. Новое "имя" молодой служило знаком принадлежности к семье мужа и указывало на ее положение в ней. Обряд наречения невесткой происходил перед печью. Один из участников свадьбы, прикасаясь к голове молодой караваем хлеба, нарекал ее одним из имен: "мазай", "навай", "вежай", "тетей" - в зависимости от того, женой которого по счету сына она являлась. Так называли молодую все семейные и посторонние, кроме свекрови, свекра и мужа. Свекор и свекровь называли ее урва, а муж - ава. С конца XIX века обряд постепенно стал исчезать.

Множество обычаев и обрядов связано у мордвы и с погребением умерших. Они определились существующими в то время представлениями о смерти и загробной жизни. В конце XIX века покойников хоронили в гробах с окошками, так как предполагалось, что на том свете они будут служить для умерших жилищем. Поскольку считалось, что умершие продолжают то же существование, что и на земле, старались обеспечить их всем необходимым для загробной жизни. Мужчинам в гроб клали огниво, кремь, кочедык, деньги, женщинам - лепешки, блины, веретено, гребень и т.п. В конце XIX века сохранились лишь пережитки этого обычая. Иногда вещи клали не в гроб, а на окно около покойного.

Во многих похоронных обрядах мордвы прослеживается страх перед умершим, стремление побыстрее избавиться от него. Так, когда тело покойного выносили из дома, избу с целью "очищения" окропляли водой с венка; особо окропляли дверь и порог, чем старались "преградить смерти дорогу" в дом.

После того, как могилу зарывали, одна из родственниц (а в некоторых местах - все присутствовавшие на похоронах) обходила вокруг с причитаниями. Отойдя немного от кладбища, все становились в кучу, и один из участников похорон очерчивал лопатой вокруг нее линию. Пройдя немного, очерчивали лопатой еще один круг. У дома умершего навстречу им бросали полено и косырь, перешагнув через которые, каждый подходил к раскрытой печке и заглядывал в нее.

В поминальных обрядах ярко проявлялось стремление предотвратить гнев покойных, снискать их расположение. Поминания происходили в доме умершего и на кладбище на 3-й, 9-й, 20-й, 40-й день, через полгода и год смерти. На эти поминки приходили все родственники умершего, приносили с собой что-нибудь съестное. У мордвы существовал обычай во время поминок выбирать "заместителя умершего". Им обычно был родственник покойного, похожий на него. Ему оказывали всяческое почтение: сажали в передний угол, угощали, выслушивали рассказы о его жизни и жизни других умерших родственников. Этот обряд описан в журнале "Этнографическое обозрение" за 1892 год. К концу XIX века в ряде мест уже перестали выбирать "заместителя", а лишь раскладывали одежду покойного на лавке в доме, где умер, или на могиле. Иногда покойника изображала кукла, одетая в одежду умершего. Особое значение придавали поминкам на 40-й день после смерти. Они назывались "большими" (так как считалось, что до этого времени душа умершего находилась еще в доме). "Большие поминки" были как бы окончательными проводами умершего в потусторонний мир. У мордвы существовал обычай оставлять на долю

умершего полоску неубранного жнивья, где в годовщину смерти его происходили своеобразные поминки.

Таким образом, в конце XIX - начале XX века в обрядности мордвы сохранялись традиционные черты. Некоторые обряды самобытны, специфичны только для мордвы.

Структура современной мордовской семьи значительно изменилась. Характерной чертой структуры семьи является ее численный состав. По данным обследования 1975 г., наиболее распространены были семьи в 2-6 человек - до 70 процентов. На уменьшение размеров семьи оказывает влияние прогрессирующий отлив сельской молодежи в город, на крупные стройки, а также резкое сокращение рождаемости. У современной мордвы муж чаще бывает старше жены. В целом же эволюция брачного возраста идет по линии понижения верхней и повышения нижней его границ, исчезновение слишком ранних браков. В середине семидесятых годов 93,6 процента обследованных семей мордвы были чисто мордовскими. Это объясняется этнически однородным составом селений, традициями и т.д.

Вместе с тем широкое распространение среди мордвы стали получать межэтнические браки, которые в дореволюционном прошлом, да и в 20-40-е годы нашего столетия, были редкостью.

Некоторые обряды у мордвы сохранились до наших дней. Так, например, в сельской местности сохраняется обычай топить баню и мыть роженицу и ребенка после того, как они возвращаются из роддома. Их приходят навестить родственники, которые приносят с собой кашу, пироги и другую снедь, иногда и женщины соблюдают обычай делать подарки после рождения ребенка (особенно первенца) свекру, свекрови и другим родственникам.

Упрощается свадебная обрядность, в частности, из нее выпадает обычай возвращения молодой в дом своих родителей через некоторое время после свадьбы, ослабевают обычаи, запрещающие жениху приезжать за невестой в день свадьбы. Сохраняет свое значение взаимное одаривание родственников жениха и невесты.

Похоронные и поминальные обряды мордвы сельской местности еще сохраняют ряд традиционных черт. В деревнях в доме умершего собираются все родственники и соседи, каждый из которых приносит продукты или деньги. Когда гроб с телом умершего несут по деревне, то несколько раз останавливаются около домов его родственников, которые выносят на улицу столы с хлебом-солью для поминовения умершего. Этот обычай свидетельствует о сохранении у мордвы сильных семейно-родственных связей. До 40-го дня некоторые оставляют на столе хлеб-соль, вешают на стену полотенце. Иногда соблюдают "проводы души" умершего. Для этого выходят в проулок, расстилают на земле полотенце, ставят на него поминальное блюдо, поминают умершего.

Таким образом, черты мордовской семейной обрядности, которые бытуют в настоящее время, не остаются неизменными. Меняется состав и содержание. Общим фактором, влияющим на состояние всех семейных обрядов, являются семейно-родственные связи, широкое участие в них родственников, что способствует передаче этой традиции из поколения в поколение.

Путешествие В. Г. Короленко по уральским станциям

Не смотря на значительное количество публикаций о В. Г. Короленко и его творчестве, без внимания осталась объемная коллекция источников, среди которых впечатляет переписка писателя с уральскими казаками, оренбургской интеллигенцией, а также родственниками, жившими на Южном Урале.

Оренбургскими краеведами предпринимались попытки проанализировать обширный фактический материал, связанный с путешествием В. Г. Короленко по южным районам Оренбуржья. Что же касается очерка Н. Е. Прянишникова о В. Г. Короленко, то дата выпуска книги - 1946 год - объясняет отсутствие документальной базы в исследованиях, хотя "Избранные письма" писателя вышли в свет в 1932 году, а в 1935-м опубликованы его "Записные книжки".

Продолжительную поездку на берега Урала В. Г. Короленко совершил летом 1900 года. О собранном материале писатель отзывался: "... знаю, что в историческом отношении теперь не навру, колорит места и времени передам, а в некоторых подробностях, быть может, будет кое-что новое даже для историков".

В этом он оказался несомненно прав. Очерки "У казаков", записные книжки и тетради, обширная переписка - все, что автор назвал "путевыми заметками о современном Яике и казаках" - несомненно, чрезвычайно полезны историкам и этнографам.

Материалы В. Г. Короленко "о путешествии по степям и станциям" представляют собой своеобразную казачью энциклопедию. Летом 1900 года писатель осуществил две поездки по территории Оренбуржья. Первый маршрут (июль 1900 года) пролегал по территории современных Ташлинского, Новосергиевского, Илекского и Первомайского районов. В Ташлинском районе он сделал подробные записи в поселках Иртецкий, Бородинский, Кинделинский (название 1900 года). В письме с дороги он сообщал: "Посетил местные хутора". Короленко проехал хутора Дубовой, Раннев, Алексеевский, Остров. В Новосергиевском районе он останавливался в Герасимовке, в Илекском районе - в Мухрановском поселке и Илеке (Илеке).

Во время первой поездки (конец августа 1900 года) писатель побывал в населенных пунктах современного Первомайского района: Шапошникове, Таловой, Чувашский, Мирошкино. Прекрасные оренбургские просторы надолго запали в его сердце. Спустя восемь лет он признался в письме в Уральске: "Каждый раз, как приходит лето, мне вспоминается наше путешествие".

В поездке писателя сопровождал учитель из илекских казаков М. Е. Верушкин, о котором В. Г. Короленко писал своему другу Н. Ф. Анненскому: "Ездил я с илецким казаком - учителем. ...Ночевали на дворах, на пашнях, на "базах" (навесы для скота) и сеновалах. Разумеется, казаки нас не стеснялись. И пришлось слышать много любопытного. Записал две записные книжки путевыми набросками".

25 июля 1900 года в послании матери он сообщил: "Я сговорился с попутчиком, интеллигентным казаком, ехать в Илек". На следующий день он добавил в другом письме Эвелине Иосифовне: "...мой будущий спутник, учитель с.-хоз. фермы, природный илецкий казак, Макар Егорович Верушкин, с которым мы едем в Илецкую станицу".

М. Е. Верушкин спустя три года опубликовал любопытные воспоминания об этой поездке в газете "Уралец", где, в частности, отмечал: "Мастер он еще завязывать разговор с кем угодно, с казаком ли, с рабочим ли, с кем угодно. Так просто как-то, дружелюбно, глянешь, расположит к себе, и тот всю душу перед ним выкладывает".

С М. Е. Верушкиным писатель ездил и на Таловую. С ним же В. Г. Короленко собирался поехать и на Усиху, но задуманное сорвалось из-за нового назначения М. Е. Верушкина. Писатель и уральский учитель длительное время переписывались. Об этой дружбе писал исследователь Н. Г. Евстратов. Менее известны письма супруги М. Е. Верушкиной В. Г. Короленко. Вот выдержка из одного ее письма: "...он святой человек, не забывайте его, он все ждет от Вас весточки". Писатель ответил на просьбу М. Е. Верушкиной: "...Да, хочется, всей душой хочется, чтобы старшая дочка поехала поучиться". В. Г. Короленко неоднократно материально поддерживал многодетную семью Верушкиных.

В Ташлинском районе В. Г. Короленко проехал вдоль реки Кин-дели, записав: "Наша тележка катилась между тем чудесными зелеными берегами красавицы Киндели. Дорога то подходила к самой речке, то углублялась в долину между увалов...". 31 июля в письме из Илека писатель делился впечатлениями с матерью: "Два дня ездили по степным речкам, с казацкими поселками и хуторами".

"Записные книжки" В. Г. Короленко позволяет уточнить ряд деталей и подробностей его поездки от станции Кинделинской по степи "к верховьям Киндели и Иртека". Кинделинскую станицу он покинул в четыре часа дня 29 июля и ночь на 30 июля провел в степи.

Ценность путешествия состоит в том, что оно имело свое продолжение в непосредственных контактах и переписке, о чем большинство исследователей практически умалчивают. Тесные связи сложились у Короленко с уральским казаком В. А. Щаповым. Мы проследили путь писателя к мельнице В. А. Щапова по картам Уральского казачьего войска. Заметим, что хутор Щапов был найден только на "Карте земель Уральского казачьего войска...", составленной при Уральской войсковой чертежной с листов хозяйственной съемки 1845 г., а часть оставшегося незаснятого пространства земель пополнено со съемки 1845 года, произведенной комиссией генерала Яковлева.

Места, которые проехал писатель по оренбургской земле, помогает представить уникальная карта "план границы Уральского казачьего войска и Киргизской внутренней орды, проведенной высочайше утвержденной комиссией для разграничения этих земель". Созданная в 1865-1866 годах карта имеет солидные размеры, достаточно подробные и красочные обозначения. На ней можно выяснить расположение мельчайших деталей: выгоны, луга, колодцы, скиты, кладбища. Вместо условных обозначений - "Разъяснение красок".

Записные книжки, очерки, письма, указанные карты позволяют уточнить "колорит места", в котором находился писатель. Его внимание привлекли, например, курганы - "мары", которые В. Г. Короленко увидел за Кинделинским поселком. О них он рассказывает, описывая дорогу за станицей Бородинской. В очерках писатель приводит рассказ казака Д. Е. Полякова, а в "Записных книжках" делает пометки: "На горизонте мары. Дмитрий Ефимович рассказывает, что на Урале есть два огромных мара". Описывая обратный путь из Илека, В. Г. Короленко вновь возвращается к марам: "Между Росто-шью и Облавским поселком мар Беставский, а напротив за

рекой на Восток Жагенский мар. Тотчас за поселком два больших мара, много малых налево от дороги".

Мары, увиденные и описанные В. Г. Короленко, нанесены на старых картах. На "Плане границ Уральского казачьего войска и Киргизской внутренней орды...", а также на "Специальной карте Европейской России", исправленной в 1877 году, отчетливо указаны мары Ташлинские. На карте "Район Оренбурга" 1919 года по левую сторону Киндели, недалеко от станицы Студеницкой, обозначен мар Новиков.

В народной памяти и сегодня сохранилось немало легенд и преданий. Несомненно, с ними познакомился и писатель. Опытный путешественник большим стажем, конечно, заинтересовался курганами, этим творением рук обычного человека, заботившегося о своих умерших и выполнявшего определенные ритуалы и обычаи, связанные с культом предков. Спустя десятилетия археологи узнали тайны многих курганов. Курганы, увиденные В. Г. Короленко, были раскопаны в окрестностях села Герасимовки и хутора Барышникова в 1963-1964 годах.

Чтобы ощутить "колорит местности", как выражался писатель, необходимо не только повторить пройденный им путь, но и мысленно нарисовать карту района, который практически начинал заселяться уральскими казаками. Короленко в поисках нужного хутора на реке Иртек Благодарновской станицы проехал не один населенный пункт. 25 июля 1831 года военный губернатор граф Сухтелен разрешил основать на юге Оренбуржья форпосты. Рапортом от 16 октября 1831 года Уральская войсковая канцелярия за подписью полковника Покатило-ва предложила основать четыре форпоста, один из которых был назван Благодарновским. Старые географические карты, а также архивные документы раздвигают рамки наших представлений о "колорите местности", помогают четче и острее представить атмосферу, в которую окунулся В. Г. Короленко летом 1900 года.

Общению с местными жителями, их рассказам писатель придавал не меньшее значение, чем знакомству с окрестностями или архивными документами. Собеседники вводили его в мир уральского казачества, показывая быт, традиции, обычаи. "По станицам я разыскиваю стариков... В общем, все-таки вижу и записываю очень много интересного", - сообщал он матери из Илека. Писатель записал рассказы Н. Г. Баннова и К. Донскова в Иртецком поселке, 110-летней мордовки "бабушки Душарей" в Бородинском, поселкового атамана А. Я. Камынкина в Кинделинском, отставного казачьего офицера В. А. Щапова, казака Д. Е. Полякова, глубокого старика, бывшего станичного атамана И. Я. Солдатов в Илецке (Илеке) и др. Данные, собранные на Южном Урале В. Г. Короленко, - это важный источник, который питает исследователей, изучающих историю уральских казаков. Писатель сообщает интересные факты, касающиеся, например, национального состава казачьего войска, а также приводит сведения о казаках мордовской и татарской национальностей. Любопытны записи, характеризующие отношения казаков с казахами в прошлом.

Документы архивов дополняют впечатления о людях, встреченных В. Г. Короленко. Видимо, родственником Д. Е. Полякову приходится отставной казак Илецкой Защиты Федот Поляков, просивший в феврале 1854 года дозволения выстроить на реке Кинделе близ Кинделинского форпоста водяную мукомольную мельницу.

Собранные В. Г. Короленко материалы позволяют составить обширную галерею портретов, как правило, колоритных, рельефных. Писатель, например, много

внимания уделяет личности казачьего офицера В. А. Щапова. Работа в библиотеках, московских архивах дала возможность выяснить удивительные детали, связанные с его судьбой.

Письма В. Г. Короленко, адресованные В. А. Щапову, сохранила дочь казака, работавшая два года в библиотеке г. Оренбурга. Александра Васильевна, как и ее отец, была другом писателя. После смерти отца она сберегла книги, письма и другие бесценные реликвии, подаренные ее отцу Владимиром Галактионовичем. В 1920 году Александра Васильевна поступила на работу в прославленную Одесскую публичную библиотеку, была научным сотрудником, заведующей отделом каталогизации, читальным залом. 68 лет от роду, в 1938 году, она умерла. Часть документов сохранила подруга А. В. Щаповой М. В. Канина.

Среди них письмо из Полтавы, датированное мартом 1902 года, в котором В. Г. Короленко пишет казаку: "...отлично помню нашу встречу на пашне, и ночлег, и мельницу. При сем прилагаю вверху еще ее вещественное напоминание о нашем становище, а также снимок вашего пруда и мельницы. Пусть это будет памятью о вашем прежнем гнезде и о случайном фотографе, его снимавшем".

Казачий полковник в отставке В. А. Щапов был человеком огромной энергии и предприимчивости. Он был, что называется, реформатором по натуре. Короленко глубоко уважал В. А. Щапова за ум, за независимость суждений. В апреле 1902 года писатель отправил ему оттиск из журнала "Русское богатство" с дарственной надписью. Данный оттиск был обнаружен нами в одном из московских архивов: "Василию Андреевичу на добрую память о Вл. Короленко. (И о ночлеге летнею ночью на сырту)".

В оттиск писатель вклеил семь фотоснимков, к ним В. А. Щапов собственноручно сделал подписи. На полях в тексте книги встречаются пометки, оставленные В. Г. Короленко. Сорок два года спустя после отправки оттиска на Урал этот подарок писателя попал в архив: оттиск обнаружили в московском букинистическом магазине и передали реликвию в архивохранилище.

В. А. Щапов слыл знаменитостью в округе. У себя на хуторе он ввел целую систему нововведений: завел рыбное хозяйство, построил мельницу, электростанцию, что вызвало открытую неприязнь соседей-помещиков. О нем шла дурная слава с тех пор, как он опубликовал свои наблюдения о, говоря современным языком, полтергейсте. В марте 1871 года "Уральские войсковые ведомости" назвали его шарлатаном. Однако его работу "Самопроизвольные медиумеческие явления" помог опубликовать А. Н. Аксаков в журнале "Ребус" в 1886 году. Современные исследователи полтергейста ссылаются на работу В. А. Щапова.

В. Г. Короленко переписывался с уральским казаком Г. Т. Хохловым, которому помог опубликовать "Путешествие уральских казаков в "Беловодское царство", приготовив к данному изданию предисловие. Переписка продолжалась длительное время, в архиве обнаружено письмо на имя Г. Т. Хохлова, датированное 14 ноября 1914 года.

Путешествие по Уралу было чрезвычайно полезным. Писатель делится с матерью: "В общем, все-таки вижу и записываю очень много интересного, и многое выясняется такое, чего никак и не подумал бы без этой поездки". О второй поездке он написал супруге 28 августа 1900 года: "Поездка, в общем, вышла удачная", а 26 сентября 1900 года В. Г. Короленко как бы подвел итоги, сообщив своему другу Н. Ф.

Анненскому: "Лето я провел, как я уже писал, хорошо и очень производительно: многое себе выяснил и собрал любопытный материал для предполагаемой работы". В. Г. Короленко собирался писать книгу о Емельяне Пугачеве.

Помощь из-за океана: 1921-1922 годы

1921 году на разоренную страну обрушились небывалая засуха и неурожай, охвативший более тридцати губерний с населением свыше тридцати млн. человек. Это повлекло голод, который сопровождался эпидемиями тифа, чумы, холеры, уносившими тысячи жизней. Бедствие распространилось на Оренбургскую губернию. Голодная смерть и болезни повально косили людей, особенно детей.

Во время бедственного положения молодой республике на помощь пришел зарубежный пролетариат, в том числе и американский. Из Соединенных Штатов поддержка оказывалась через Международный комитет рабочей помощи - Межрабпом, массовую беспартийную организацию пролетарской солидарности зарубежного рабочего класса с трудящимися Советской России. В состав ЦК Межрабпома от США входил писатель Теодор Драйзер. Помощь Американского комитета Межрабпома приходила и в Оренбуржье. Распределение продуктов среди населения производилось межрабпомом самостоятельно, через его местные отделения, одно из которых находилось в Оренбурге. Американский комитет Межрабпома организовал в США шестьсот организаций, которые провели энергичную организационную работу, направленную на расширение кампании помощи Советской России.

Большая помощь оренбуржцам была оказана Обществом друзей Советской России. Представитель этого общества Ю. Ф. Геккер приезжал в Бузулук и Оренбург в январе 1922 года, когда голод основательно распространился на обширную территорию. До наших дней дошли его записи об этой поездке. Большое место в них занимают картины тяжелых страданий, выпавших на долю оренбуржцев, разрухи и голода: "Бузулукский уезд сильно пострадал от неурожая и считается одним из самых голодных районов... Я присутствовал на собрании, на котором один из руководителей с болью рассказывал о страданиях народа в Бузулуке, о случаях людоедства, выкапывании голодающими трупов. Он пригласил меня засвидетельствовать эти ужасы .

Хлеб, семена, продовольствие, одежду, медикаменты Общества друзей Советской России получали и оренбуржцы. Одним из руководителей Общества друзей Советской Росс" и являлся Дж. Л. Энгдол -член исполкома Американского рабочего совета, член исполкома Рабочей партии, редактор журнала "У<эркер", генеральный секретарь Интернационального комитета защиты политических узников. Он посетил Оренбург в 1928 году, где много выступал на встречах с трудящимися города.

В преодолении тяжелого бедствия в стране оказали содействие и другие организации США. Основная по объему продовольственная помощь была оказана АРА Американской Администрацией помощи. Миссии АРА работали во многих населенных пунктах Оренбуржья. Так, в феврале - марте в Яманскую волость было отпущено 425 пайков, в Ташлинскую - 1000, в Мустаево - 175, Илек - 1996, Сухореченскую волость - 300 пайков. 1 мая было открыто три столовых в Орске, в которых

питались 3500 детей, одновременно начали работать столовые в Орском уезде, где получали питание 3000 детей. В Бугурусланском уезде на 15 июня 1923 года работало 175 столовых.

К концу мая 1922 года 898 населенных пунктов Оренбуржья (не считая Бузулукского и Бугурусланского уездов) получали продукты, присыпаемые Американской Администрацией помощи. В это время в аровских столовых питалось 152 590 взрослых и 17 140 детей. К началу мая в Оренбурге было получено 15 200 пар обуви.

В Оренбурге представители АРА открыли на Хлебной площади бесплатную аптеку для бедных, работала амбулатория для детей, где за медицинскую помощь не требовалась плата.

В середине 1923 года АРА постепенно начала сворачивать свою деятельность. Но в это время в Оренбургском уезде еще продолжали работать 166 столовых, в Каширинском - 190.

Оставшиеся продукты и промтовары американцы передали местным властям. В июле 1923 года представители АРА в Оренбурге передали: сукна - 1850 ярдов, фланели - 5400 ярдов, муслина - 13125 ярдов, ниток черных - 1935 катушек, ниток белых - 1825 катушек, ботинок - 3000 пар и т. д.

Американская Администрация помощи в критический момент голода наряду с другими зарубежными организациями, а также решительными мерами советских властей оказала своевременную поддержку Оренбургской губернии, что сыграло существенную роль в преодолении тяжелого бедствия. Так, исполком Бугурусланского уездного совета в июле 1923 года отметил: "Оно (крестьянство) в большинстве своем благодарно за оказанную помощь".

Малоизвестной страницей помощи американцев голодной и разрушенной Оренбургской губернии является активная благотворительная деятельность квакеров, одной из религиозных организаций США.

В июне 1922 года, в критический момент голода, в Оренбуржье работали следующие американцы: в Грачевке - Анна Гекнер, Роберт Дан; в Тоцком - Ненси Беб; в Бузулуке - Гомер Моррис, Эдно Моррис; в Гамалеевке - Карл Бордерс, Джесика Смит и др. Та самая Джесика Смит, которая, спустя более полувека, став к этому времени известным журналистом, приезжала в Гамалеевку, чтобы взглянуть на те места, где она работала в пору молодости. Помогали миссии в ее благородной работе переводчики из Москвы Михаил Восков и Андрей Павлов.

Квакеры снабжали население продуктами, одеждой. В марте 1922 года в столовых квакеров кормили в Новосергеевской волости - 1173 человека, в Матвеевской - 2826, в Сорочинской - 4306, в Тоцкой - 1096. С января по апрель 1922 года квакерами было распределено семь вагонов одежды, белья и обуви. Квакеры лечили больных, но иногда и заболели сами. Не вернулся на родину американец Дру-кер, умерший от тифа.

Квакеры уделяли много внимания животноводству. Они провели закупку 160 лошадей для Сорочинской волости в Башкирии. Немалая помощь была оказана крестьянам и сельскохозяйственным инвентарем.

В условиях борьбы с голодом и его последствиями все американские организации, помогающие оренбуржцам выйти из бедственного положения, в первую очередь делали все возможное для спасения детей. Приведем данные по Бугурусланскому уезду. Так, в декабре 1922 года в уезде находилось 35 детских домов.

АРА в январе 1923 года выдало детям 7765 банок молока, 583 пуда муки, 321 пуд крупы. В уезде также находилось триста детей, вывезенных из Московской губернии. Бугурусланский уездный отдел народного образования просил губернский отдел АРА выделить москвичам дополнительно обувь, одежду, одеяла.

Представители квакеров в Сорочинской волости в 1922 году вырастили десять пудов огурцов и сорок пудов помидоров. Весь урожай был передан в два сорочинских детских дома.

Во время напряженной борьбы с голодом в России для американцев было характерно чувство обостренного восприятия текущей действительности. Кампания помощи Советской России в США проводилась многочисленными комитетами и организациями - от организаций пролетарской солидарности до филантропических обществ. Среди же оренбуржцев сегодня живет чувство огромной признательности за спасение многих жизней детей и взрослых.

Айседора Дункан на оренбургских подмостках

После окончания гражданской войны в Оренбурге много внимания уделялось подготовке кадров. В 1921 г. в здании Караван-Сарая был открыт Башкирский педагогический техникум, сыгравший большую роль в подготовке башкирской интеллигенции. "Степная правда" весной 1922 г. писала об открытии археологического института в здании бывшего медресе Хусаиния. В это же время городские власти обратились в Наркомат просвещения с просьбой организовать в Оренбурге политехнический институт. В начале двадцатых в городе работа-1 ют школы политграмоты, открыты школы и для малограмотных и неграмотных членов большевистской партии нерусской национальности. В Оренбурге насчитывалось двадцать пунктов ликвидации неграмотности, одиннадцать из них целиком содержались на средства профсоюзов.

Двадцатые годы имели еще одну особенность: в городе работало несколько детских домов, среди которых были дом для глухонемых и дом для одаренных. Среди воспитателей последнего были такие интересные люди, как Н. П. Анненкова-Бернард, хранившая письма Л. Н. Толстого, В. Г. Короленко, А. П. Чехова, А. И. Куприна, И. А. Бакунина. В детдоме издавался журнал "Творческий путь". В ту далекую пору горожанам жилось трудно, но люди тянулись к искусству и культуре.

В июне 1922 г. оренбуржцев порадовала визитом всемирно известная балерина, "знаменитая босоножка" Айседора Дункан. Местная пресса писала: "...Имя Айседоры Дункан облетело все сцены Старого и Нового света. Провозгласив новые принципы танца, классический танец древней Эллады она превратила в музыкальную живопись. Это было настоящей революцией в балете. Дункан не просто танцует, она передает музыку, она живописует звуки, она делает музыку прозрачной..."

В этом же, 1922 году, в городе давал концерты известный виолончелист Л. В. Ростропович. Концерты прошли в зале горсовета, Доме печати, в театре "Люкс", в лютеранской кирхе.

В 1925 г. постановлением исполкома Оренбургского городского Совета была создана татарская драматическая труппа из профессиональных артистов, в которой работали известные многим Н. Сакаев, И. Кудашев, А. Мангушев, Р. Файзуллина и др.

С огромным успехом в 1924 году прошли гастроли известного артиста цирка В. Лазаренко, в 1926 году А. Дурова.

В быт оренбуржцев основательно вошел кинематограф. В 20-е гг. в Оренбурге насчитывалось четыре кинотеатра: "Аполло", Палас", "Аре", "Колос". Активисты общества "Друзья кино" выступили в 1929 году с предложением переименовать кинотеатры в "Пролетарий", "Молот", "Октябрь", "1-й Крам" (кино рабочей молодежи). Комсомольцы города настояли в октябре 1929 года на открытии комсомольского кинотеатра. Молодежь рассчитывала получить помещение лучшего кинотеатра города "Рас", но позволили занять "Колосс", получивший впоследствии название "Крам".

В начале двадцатых в Оренбурге выходят газеты "Советская степь", "Завод и пашня", журнал "Экономический вестник Киргизии". В апреле 1922 года типография, находившаяся в Караван-Сарае, была передана в ведение Госиздата и превращена в мусульманскую, в ней работало 30 рабочих. С весны 1925 года в Оренбурге стала выходить газета "Смычка". На ее страницах можно было встретить призывы: "Каждый рабочий, каждый крестьянин, каждый трудовой казак должен быть подписчиком "Смычки". В 1927 году открыли радиовещательный центр.

Председатель облсовета

Первый вопрос, который должен нас всех интересовать -это как проведена у нас в области перевыборная кампания в Советы...". Приведенная цитата - не дня нынешнего, она была произнесена в декабре 1934 года первым председателем Оренбургского областного Совета К. Е. Васильевым.

Документы отбрасывают нас в далекие годы, оживляя одно событие за другим. Константин Ефимович Васильев по решению ЦК ВКП(б) был направлен в Оренбург в 1934 году, когда решением правительства из Средне-Волжского края выделилась Оренбургская область.

На высоких постах заместителя председателя Средне-Волжского крайисполкома и председателя Оренбургского облисполкома К. Е. Васильев оставался простым, доступным человеком, влюбленным в жизнь, искренне убежденным, что она будет справедливой и чистой после революционных преобразований.

Он часто бывал в заводских и фабричных цехах, в селах и деревнях, чутко улавливал настроение простых людей, располагал к себе энергией, целеустремленностью. Он старался сделать все возможное, чтобы Оренбуржье в своем экономическом развитии продвигалось вперед.

"...Мне хотелось бы отметить, что Оренбургская область с первого дня своей организации действительно была бы передовой областью в стране. И для этого у нас имеются все объективные возможности", - заявил он на 1-м Пленуме Оренбургского обкома ВКП(б) в декабре 1934 года.

К. Е. Васильев приступил к обязанностям председателя облисполкома в сложных условиях. На страницах "Оренбургской коммуны" 30 марта 1935 года находим его выступление: "...можно ли считать нормальным такое положение, когда до сего времени в одиннадцати районах нашей области (Шарлыкском, Ташлинском, Кувандыкском и др.) райисполкомы не имеют ответственных секретарей, в 40 районах

нет совершенно инструкторов, а 6 районах нет заврайоно и зав-райздравами, в 16 районах нет судебных и прокурорских работников".

Константин Ефимович прекрасно осознавал степень выпавшей на него ответственности и потому основательно анализировал происходившие в области социально-экономические процессы с их противоречиями и трудностями. Председателя облисполкома волновали многие проблемы: закрепление кадров, выдвижение на руководящие посты представителей "низового партийного, колхозного, советского актива", повышение роли советов в борьбе за урожай и др.

Выход в ликвидации напряженности он видел в создании более здоровой атмосферы в партии. Васильев, тогда уже опытный организатор, понимал: главное сейчас - переломное настроение людей. Поднять дух у отчаявшихся, поддержать энтузиастов.

К. Е. Васильев в то опасное время заступился за опытного профессора сельхозинститута С. С. Бажанова, которого еще в 1930 г. арестовали за "участие¹¹ в деятельности "Трудовой крестьянской партии", о чем К. Е. Васильеву было прекрасно известно. Он регулярно принимал у себя лучших людей области. Правда, позднее, когда ярлык "врага народа" был навешан на Васильева, Артищев из Матвеевского райкома партии определил этот ценный опыт, "как показную народность".

Насколько позволяло время Константин Ефимович старался помочь тем, кто обращался к нему за помощью. Известен случай, когда рабочий-инструментальщик паровозоремонтного завода Григорьев, став инвалидом, написал письмо Константину Ефимовичу. Просьба состояла в том, чтобы в доме инвалида установили радио. У Григорьева дети учились в школе и ему "по части грамотности" от них не хотелось отставать. К. Е. Васильев распорядился выполнить просьбу инвалида, провести радио и оплатит!, квитанции за год.

Выходец из простой семьи, сам в прошлом грузчик, рабочий литейного завода в Петербурге он прекрасно знал, что такое нужда. Константин Ефимович Васильев родился в мае 1890 года в селе Вла-дичня Новоторжского уезда Тверской губернии. В "Автобиографии" К. Е. Васильев писал: "Отец занимался отхожим промыслом, работал в Питере плотником. Столяром, мать временами тоже выезжала на отхожий промысел". В октябре 1911 года К. Е. Васильева призвали в армию. Во время первой мировой войны был дважды контужен и отравлен газами. На войне его по достоинству оценило Отечество, наградив Георгиевским крестом.

В февральскую революцию Васильева избрали председателем полкового комитета, в апреле-мае 1917 года являлся председателем дивизионного комитета. В мае фронтовой комитет отозвал его из действующей армии и направил в Черниговскую губернию в продовольственный комитет "по проведению в жизнь закона о хлебной монополии и снабжении армии продовольствием и фуражом".

В гражданскую войну К. Е. Васильев - командир продотряда, губернский комиссар продовольствия, заведующий хлебным отделом. В то время, когда страна голодала, ему пришлось выполнять сложнейшее поручение Советской власти.

В августе 1926 года ЦК ВКП(б)У отозвал К. Е. Васильева на работу в сельхозкооперацию, где он был избран членом правления "Сельский gospodarь". Спустя два года по распоряжению ЦК ВКП(б) был отозван с Украины в Самару уполномоченным "Союзхлеба".

В мае 1928 года образовалась Средне-Волжская область на базе четырех губерний: Самарской, Пензенской, Оренбургской и УЛЬЯНОВСКОЙ,

переименованная в октябре 1929 года в Средне-Волжский край. В Самаре К. Е. Васильев работал вместе с М. М. Хатаевичем, А. К. Аболиным. Это были сложные годы, связанные с коллективизацией сельского хозяйства, с голодом 1932-1933 годов, с решением многих социальных проблем. Константин Ефимович выделялся среди руководителей края, что и определило его судьбу. Центральный Комитет партии командировал его в Оренбургскую область на должность председателя облисполкома.

Недолго пришлось трудиться первому председателю Оренбургского облисполкома: всего два с половиной года. Наступил злобный 1937 год. Константин Ефимович был обвинен в том, что якобы в 1929 году входил в контрреволюционную организацию правых в Самаре, а в 1935 году создал и возглавил контрреволюционную троцкистско-бухаринскую организацию в г. Оренбурге, занимаясь диверсионно-вредительской деятельностью в промышленности и сельском хозяйстве.

"Сигналы" о его "враждебной деятельности" стали поступать задолго до ареста. В феврале 1937 года секретарь партколлегии Мурзин написал в Москву. По делу К. Е. Васильева секретарь обкома ВКП(б) А. Ф. Горкин выезжал в Москву и докладывал в Центральном Комитете. Сразу же после возвращения А. Ф. Горкина 6 июня 1937 года К. Е. Васильев был арестован, а 7 июня его исключили из партии на заседании бюро обкома ВКП(б). Приведем документ.

"Протокол № Б 73/1 от 7 июня 1937 г.

Слушали: Сообщение тов. Горкина о поездке в ЦК ВКП(б).

Постановили: Исключить из рядов ВКП(б) Васильева как врага народа и вывести его из состава членов бюро и пленума обкома ВКП(б)".

Несколько строчек протокола зачеркивали жизнь человека, полного больших планов, всем существом ощущающего величие и грандиозность стоящих перед страной задач.

Они знали друг друга не один год. А. Ф. Горкин работал в Самаре заведующим агитационно-массовым отделом крайкома, в 1933-1934 году второй секретарь Средне-Волжского крайкома ВКП(б). К. Е. Васильев с декабря 1928 года работал в облкоопхлеб-союзе, крайколхозсоюзе, крайполеводсоюзе. Последний пост в Самаре - заместитель председателя крайисполкома. Была возможность составить мнение. Но А. Ф. Горкин на областной конференции произносит: "Практическая деятельность организаций правых, руководимая Васильевым, осуществлялась путем проведения вредительства в сельском хозяйстве, блокированием с троцкистской организацией в о подготовке и проведении диверсий и террористических актов.

Деятельность Васильева в области сельского хозяйства направлялась, главным образом, на срыв мероприятий партии и правительства по повышению урожайности.

Свою вредительскую руку правые контрреволюционеры во главе с Васильевым приложили к срыву товарооборота в деревне, прикрывая бесконечные хищения и миллионные растраты в системе облпотребсоюза".

Верил ли лидер областной парторганизации в то, что говорил? Думаю, что нет. Спустя несколько недель А. Ф. Горкин, предупрежденный о готовящемся аресте, бежал в Москву под покровительство высокопоставленных друзей.

До расстрела К. Е. Васильева оставалось чуть более полугода. Дважды изнурительные допросы вел старший майор госбезопасности Успенский, на руках которого кровь не только К. Е. Васильева, но и сотен замученных в застенках НКВД людей. У "запечных дел мастера" не хватало на всех времени и поэтому лейтенантам "доверяли" расследовать дело многих крупных руководителей области. На их

"признаниях" они сделали головокружительную карьеру. Дело К. Е. Васильева вели старший лейтенант госбезопасности Зайцев и младший лейтенант Герасимов.

В июне 1937 года Мурзин на II Пленуме обкома ВКП(б) заметил: "...О Васильеве можно говорить много. Эти вот материалы будут переданы товарищу Успенскому, который успешно их реализует". Что Успенский незамедлительно и сделал.

"Не жалеи!" - фраза, требовательно произнесенная Успенским на этом же пленуме, когда секретарь партколлегии позволил себе слегка пожалеть одного из коммунистов.

На фотографии из следственного дела Васильев - затравленный, замученный. Моральная пытка последних месяцев медленно умерщвляла дух. Разные люди, с которыми работал не один год, дружно утверждали, что получали от Васильева диверсионные задания.

К. Е. Васильев был осужден 18 ноября 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР по статьям 58-2, 58-8, 58-9 и 58-11 УК РСФСР и приговорен к расстрелу. В этот же день приговор был приведен в исполнение.

Дело К. Е. Васильева - одно из миллионов фальсифицированных дел. Н. С. Хрущев перед XX съездом партии вызвал Генерального прокурора Руденко и спросил его:

"- Вы смотрели эти дела?

- Да, - говорит, - некоторые смотрел.

- Ваше мнение? Что вы можете сказать? Насколько были обоснованными аресты?

Он не сказал, что с точки зрения юридической никаких оснований для арестов и тем более для казней не существовало. Это все были волевые решения, и никаких конкретных преступлений, за которые можно судить и наказывать людей, не было".

Намеренно привожу воспоминания Н. С. Хрущева, ибо до сих пор сомневающиеся говорят: "Не зря их ставили к стенке". О "признаниях" Руденко сказал: "Это "искусство" тех, кто вел следствие и суд. Людей сажали и доводили до такого состояния, когда единственным способом прекратить свои страдания и издевательства над собой было признание, а следующим шагом - смерть".

С 19 сентября 1937 года в жизни супруги К. Е. Васильева - Евгении Матвеевны Рожковой началась еще одна полная боли и унижения глава. Повесткой она была приглашена в Оренбургское НКВД. Домой она уже не вернулась. В лагере не оставляла мысль о детях. Она отбывала срок в Темниковском исправительном трудовом лагере, который находился в Мордовии. Известное изречение оборотня "Дети за отца не отвечают" было опровергнуто жизнью и детей Васильева. У них начинался счастливый возраст надежд, дерзаний, любви и мечтаний, возраст романтики и веры в будущее. Но вместо всего этого они вкусили горечь несправедливости.

Младшие дети - сын Олег и дочь Кира были направлены в Томский детский дом, старшие - дочь Галина и сын Александр некоторое время отбывали в детдоме, начали работать в Куйбышеве. В 1939 году Евгения Матвеевна, желая помочь детям, испытывающим материальную нужду, обратилась к официальным властям Оренбурга за помощью. Но таких запросов в те годы было тысячи и на них никто не обращал внимания.

Тогда в сумрачных бараках Потьмы жена Васильева представляла, как пролетят годы и ей будет суждено вновь увидеть своих детей. Во время обыска на квартире К. Е. Васильева было изъято большое количество документов, переписка, среди них билеты и мандаты делегата различных съездов, партизанский билет № 890, Георгиевский крест, переписка с Чехословакией. Константин Ефимович работал и дома, среди изъятых документов - план борьбы с малярией, схема районирования Оренбургской области, составленная от руки.

Обращают на себя внимание названия двух изъятых книг. Они -показатель "неблагонадежности" арестованного. Одна из них принадлежит перу "врага народа" Н. И. Бухарина, а вторая написана руководителем Орских новостроек, известным в стране капитаном индустрии С. М. Франкфурту - "Рождение стали и человека". Перечисленные выше документы не найдены. Драгоценные документы истории и свидетельства простых человеческих отношений исчезли и, видимо, навсегда.

Нет пока точных данных, но меня не покидает уверенность, что книгу "Рождение стали и человека" С. М. Франкфурт подарил К. Е. Васильеву. Но доподлинно известно, что эти два человека были дружны. В показаниях, данных по делу Васильева, часто встречается фраза, что он "поддерживал тесный контакт с Франкфуртом".

К. Е. Васильев по долгу службы, выезжая в столицу, неоднократно встречался с А. И. Рыковым, сменившего В. И. Ленина на посту главы Советского правительства до 1930 года, а с 1931 года по 1936 год - нарком связи. Эти встречи документально подтверждены. Для К. Е. Васильева эти контакты имели печальные последствия.

Ему вменялись в вину вредительские действия, выполненные якобы по указанию А. И. Рыкова. В деле К. Е. Васильева - полный произвол, полное пренебрежение к закону. Характер и содержание, предъявленных обвинений, методы "доказательств" вины обвиняемого и ссылки на якобы ранее "установленные" факты - все это объединяет дело К. Е. Васильева с аналогичными делами 30-х годов.

В результате производимой в 1956 году проверки было установлено, что оренбургские руководители Костромин, Весели, Прусаков и Чубаров, якобы завербованные К. Е. Васильевым в контрреволюционную организацию, а также Митрофанов, Зубин, Сорокин и другие в судебном заседании по своим делам виновными себя не признали и от показаний, данных ими на предварительном следствии, отказались, как от вымышленных.

Никаких сведений о принадлежности К. Е. Васильева к антипартийной группировкам и оппозициям не обнаружено. В Оренбурге в 1956 году еще жили люди, знавшие Константина Ефимовича по совместной работе. Денисов, Выров, всего восемь человек охарактеризовали К. Е. Васильева как преданного делу партии человека.

Восторжествовала правда и справедливость- Это важно не столько для мертвых, сколько для нас живущих.

К. Е. Васильев сделал все, чтобы его слова не расходились с делом, с тем великим делом, которому он самоотверженно служил до последнего часа своей, в общем-то, недолгой жизни. Но разве только годами измеряется жизнь человека?

Командарм строительного фронта

Имя Сергея Мироновича Франкфурта неразрывно связано с орс-1кими новостройками, и особенно с созданием первенца советской никелевой промышленности - орским никель-комбинатом. В середине тридцатых годов в Орске Сергея Мироновича называли "главным строителем". Звание, присвоенное ему рабочими, сохранилось в протокольной записи 1-й Орской городской партконференции. Однако имя Франкфурта незаслуженно забыто в области. Начиная собирать материал об этом замечательном человеке, автор этих строк с удивлением узнала, что о Франкфурте не написана ни одна краеведческая статья.

История не бывает безликой. История нашей области обогатилась тем, что на ее земле работал такой незаурядный человек, как С. М. Франкфурт, встречавшийся с В. И. Лениным, соратник В. В. Куйбышева и Г. К. Орджоникидзе.

Причина забвения кроется в трагических событиях 1937 года. В ту пору полнейшего беззакония и произвола погиб один из капитанов социалистической индустриализации, энтузиаст первых пятилеток Сергей Миронович Франкфурт. Выдвинутые против него обвинения во враждебной деятельности, измене Родине вздорны и необоснованны. На собрании партийного актива Оренбургской области, проведенного после февральско-мартовского Пленума ЦК партии, Франкфурт был обвинен в сознательной антисоветской деятельности на орских новостройках.

Нет нужды рассказывать, как проходил сам процесс - точно так же, как и многие другие, о которых немало написано в печати, с деталями, цитатами. Но безоговорочную поддержку этой акции общественным мнением в Орске подготовили. Резолюции выносили митинги рабочих, партактивы и общие собрания, отдельные учреждения. Страшное обвинение было брошено, когда строительство стало добиваться первых успехов. Именно в дни расправы многотиражка никелевого завода писала: "...В первые десять дней марта 1937 г. из 658 рабочих дали производительность труда от 100 до 125% 125 человек". На международной выставке в Париже одна из экспозиций Советского Союза рассказывала о промышленном строительстве в Орске.

Успехи были налицо. Однако на 2-й областной партийной конференции в адрес С. М. Франкфурта руководитель областной партийной организации А. Ф. Горкин бросает обвинение: "Связанная непосредственно с параллельным антисоветским центром в Москве вредительская группа, возглавляемая Франкфуртом, работала по прямым заданиям фашистских японо-немецких разведок и ставила перед собой целью - не дать стране никель, имеющий исключительное оборонное значение, не дать высококачественного бензина для авиации".

В партийном архиве хранится анкета Сергея Мироновича. Данные в ней самые краткие. Но все равно интересный документ, информация из первых рук, ответы на вопросы анкеты написаны собственноручно.

Год рождения - 1888 г. Социальное положение - служащий. Образование: а) образование - высшее; б) политехническое - окончил за границей (во Франции). Партстаж - с 1904 г.

Дополним данные. Рано и бесповоротно определилась жизненная позиция Сергея Мироновича Франкфурта. С юношеских лет сделал выбор - служение революции. Образование получил в Гренобле, в политехническом институте.

Возвратившись на Родину в 1917 году, активно включается в революционную работу. После Октября работал в комиссии по выполнению Брестского договора, был заместителем председателя коллегии Главного угольного комитета ВСНХ РСФСР, членом Сибирского бюро ВСНХ, ответственным работником Народного Комиссариата иностранных дел.

В октябре 1920 года состоялась беседа С. М. Франкфурта с В. И. Лениным, описанная Сергеем Мироновичем в его книге "Рождение стали и человека", отрывок из которой был опубликован позднее в многотиражке "За советский никель".

По рекомендации В. В. Куйбышева С. М. Франкфурт возглавил знаменитый на всю страну Кузнецкстрой. В короткое время важное правительственное задание было выполнено. Руководителя строитель-ства С. М. Франкфурта представили к ордену Ленина.

Следующее назначение - уполномоченный Народного Комиссариата тяжелой промышленности по Орско-Халиловскому промышленному району, которому, по оценке В. В. Куйбышева, предстояло стать "крупнейшим промышленным центром". Это ответственное задание было поручено человеку, органически сочетающему в себе принципиальность, партийность, масштабность взглядов, государственный подход к делу, глубокие специальные знания, умение работать с людьми, удивительную личную трудоспособность, добросовестность и скромность.

Уполномоченному наркомата С. М. Франкфурту были подчинены Локомотивстрой, Крекингстрой, Халилруда, Тэцстрой, Ормедьзолото. 10 января 1935 года бюро обкома партии заслушало практические предложения С. М. Франкфурта. В принятом постановлении говорилось: "Обком целиком и полностью одобряет приказ т. Орджоникидзе о создании Управления Уполномоченного НКТП Орско-Халиловского района".

Имя Франкфурта было широко известно как в нашей стране, так и за рубежом. Руководитель делегации представителей французской промышленности Рибардьё тепло отзывался о нем в своих публичных выступлениях, Г. Гупперт, немецкий писатель, в своей книге, изданной "Кооперативным издательством иностранных рабочих в СССР", дает высокую оценку деятельности Франкфурта. В Исторической библиотеке в Москве на обложке книги С. М. Франкфурта "Рождение стали и человека" написан отзыв: "Большое спасибо, что он с" ороит социализм в экономике и в головах людей... Никогда не забудем Вас, особенно мы - молодежь".

В создании огромного никелевого комбината и города в бывшей степной глуши вложена доля энтузиазма и труда, частица разума и души С. М. Франкфурта. Страна очень нуждалась в никеле. За границей в связи с подготовкой к войне потребность в никеле резко возросла.

Газета "За индустриализацию" сообщала в 1937 году: "Пуск первой очереди Южно-Уральского никелевого комбината и первой очереди Североникеля в Мончегорске выдвигает нас по производству никеля на второе место после Канады".

Учитывая столь важное значение никелькомбината для страны, Наркомат тяжелой промышленности по решению ЦК ВКП(б) назначил 29 апреля 1935 года директором строительства Орского никелькомбината С. М. Франкфурта.

Выступая на 1-й Орской городской конференции, Сергей Миронович отметил: "Мы сегодня можем сказать, что мы, орские большевики, работаем на то, чтобы наш воздушный флот стал крепче. Мы дадим никель, чтобы наши машины работали

безотказно, чтобы они были одними из лучших в мире, чтобы наши летчики в нужный момент могли защитить наши советские республики".

Центральный Комитет партии внимательно следил за развитием цветной промышленности. 4 января 1936 года Сергей Миронович в составе других работников цветной промышленности был принят Сталиным. На встрече присутствовали Орджоникидзе, Ворошилов, Каганович, Андреев, Пятаков. С. М. Франкфурт дал развернутую характеристику темпов строительства в Орске.

Своим личным примером Франкфурт воспитывал у партийных кадров высокое чувство ответственности за порученное дело. Бюро горкома партии указало в одном из постановлений: "Считать правильной взятую тов. Франкфуртом линию на укрепление участков руководящими работниками-коммунистами".

Для него было характерно неприятие формализма, стремление проникнуть в суть каждого вопроса и решить его по-деловому. Им, например, был дан приказ: в течение трех дней с момента поступления рацпредложения рассмотреть его и вынести заключение о полезности каждого из них.

Многие проблемы волновали Сергея Мироновича. Так, при рассмотрении вопроса о преподавании гуманитарных предметов в средней школе Орска он был возмущен тем, что дети мало читают художественной литературы. Интерес к литературе у него никогда не пропадал. Франкфурт писал и сам. До приезда в Орск он уже опубликовал в 1931 году книгу "Никаких отсрочек", в 1935 - "Рождение стали и человека". 1 мая 1936 года "Оренбургская коммуна" напечатала его очерк "Разговор ночью". Франкфурт не оставлял без внимания многотиражку "За советский никель", а также стенную газету «Сигнал».

Это был глубоко интеллигентный человек. Из тех старых большевиков, которых отличала высокая культура, знание иностранных языков, незаурядные ораторские способности.

Лестный отзыв ему дает С. И. Шестеркин, приехавший молодым деревенским пареньком на строительство, другие рабочие, с которыми мне довелось встречаться в Орске.

Углубляясь в доступные мне документы, постигаешь чудовищность "дела" С. М. Франкфурта. Он обвинялся в преступлениях, предусмотренных статьями 58-16, 58-111, 58-11 УК РСФСР. Все это -особо опасные государственные преступления: измена Родине, шпионаж, создание контрреволюционной организации. Уже по одному перечню статей УГОЛОВНОГО кодекса можно судить о "тяжести преступлений" С. М. Франкфурта.

Собрание актива Орской партийной конференции в апреле 1937 года подробно обсудило действия Франкфурта и его сторонников. Собрание длилось пять дней. Выступило 46 человек. Какие только обвинения не были брошены в адрес Сергея Мироновича... Очень резким было выступление редактора газеты "Орский рабочий" Иванова. Злая ирония судьбы - через полтора месяца он также был арестован как "враг народа". Он, в частности, критиковал Орский горком партии, который не желал смириться с арестом Франкфурта. Иванов требовал на собрании актива: "Почитайте решение горкома ВКП(б), на котором осуждалась деятельность шайки Франкфурта после его разоблачения - там вы не найдете ни слово "вредительство", ни слово "троцкист".

На собрании припомнили А. Е. Цвилюховскому, заявившему на одном из совещаний секретарей парткомов: "Мы и мысли не допускаем, что Франкфурт связан на стройках с троцкистами".

"Мы" - это секретарь парткома никелькомбината Е. Бочкин -будущий первостроитель Братска, руководители Орской партийной организации А. Е. Цвилюховский и И. А. Золотев. Руководитель областного управления НКВД Райский заверял А. Ф. Горкина в том, что "никакого вредительства в Орске нет, что это пустая болтовня". Это было сказано уже после ареста Франкфурта. А. Ф. Горкин привел это откровенное высказывание Райского на 2-й областной конференции, громившей троцкистов-зиновьевцев. Райский был, конечно, снят с работы. Однако обстановка заставила и того же Золотова спасать свою жизнь. Выступая на V пленуме обкома ВКП(б). И. А. Золотов постарался "оправдаться", окончательно потопив во лжи личность С. М. Франкфурта.

Приведем "показания" С. М. Франкфурта и его "сподвижников". Эти показания, скорее всего сфабрикованные, ложные, полученные путем применения незаконных методов следствия. Признания нужны были для создания видимости правосудия, для формирования общественного мнения.

Франкфурт: "Пятаков мне сразу сказал, что надо от брюзжания переходить к иным методам работы. И он начал мне разъяснять, в чем они заключаются: максимальное удорожание строительства, затяжка сроков пуска предприятий и этим омертвление капиталовложений".

Показания дает другой активный член "фашистско-троцкистской банды" бывший начальник Оренбургской железной дороги Г. В. Подшивалин: "Московский центр предложил мне войти в состав оренбургского центра вместе с Франкфуртом и Сорокиным, заместителем председателя облисполкома. Вскоре после приезда из Москвы я встретился с Франкфуртом в Оренбурге, он заходил ко мне. Мы установили связь. Потом он свел меня с Сорокиным и затем уже заседания Оренбургского троцкистского центра стали проходить часто у меня или у Сорокина на квартире".

Руководитель Оренбургской партийной организации А. Ф. Горкин, выступая на 2-й областной партконференции, "освященной" присутствием Жданова, так охарактеризовал Франкфурта: "Фашистская банда Франкфурта не ограничивалась только вредительством и срывом планов строительства. Она готовила по первому требованию японо-германских разведок, при военном нападении на нас фашистских государств, взрыв оборонных предприятий, строящихся в Орске.

Сергей Миронович Франкфурт - один из гвардии ленинской партии, коммунист с дореволюционным стажем, был уничтожен в те месяцы, когда страну захватила волна репрессий, организованных Сталиным.

С большим трудом совсем недавно Орский музей приобрел фотографию Франкфурта. Его личное дело найти нет возможности. А их было в архиве несколько. Уже после реабилитации они были изъяты из фондов партархива и по чьей-то, мягко говоря, странной инструкции не были возвращены обратно в архив. Даже дату рождения можно было установить, только обратившись в соответствующие органы.

Сергей Залыгин писал в "Известиях": "Теперь настает время историков как таковых, времена архивов". И, увы, жестоко ошибается. Потому что многие дела несправедливо оклеветанных большевиков нет возможности увидеть. Среди них и дело С. М. Франкфурта.

Возвращение к правде

Тема, связанная с трагическими событиями периода культа Сталина, волнует сегодня многих. Уже реабилитированы участники "открытых процессов", стали называть самые "криминальные" имена. Но чтобы представить подлинные масштабы случившегося, осознать существо трагедии, требуется тщательное изучение этих событий. Нужны исследования, направленные против клеветы, наветов и лжесвидетельств.

На страницах местной печати этот вопрос затрагивался лишь частично. Что же касается исторической литературы, то в силу различных обстоятельств ей эту проблему пришлось просто обойти. Возьмем, к примеру, "Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС", изданные в 1973 году. В них печальной памяти 1937 года уделено в общей сложности 18 строчек, где названо лишь три большевика, испытавших на себе чудовищную тяжесть царившего в стране беззакония и жестокого произвола. Остальных же невинно репрессированных оградили стеной прочного забвения.

Спустя одиннадцать лет во втором издании очерков материала значительно меньше. И если в первом издании упоминаются имевшие место массовые репрессии, то во втором лишь сказано о том, что тогда "...стали возможны факты злоупотребления властью и нарушений социалистической законности". Линия на реабилитацию бессмысленных жестокостей проявилась и здесь. Таков был подход к этим полным драматизма страницам истории.

Невинно осужденных, казненных, тяжело страдавших много было и в Оренбуржье: видимо, известная статистика, когда репрессиям подвергался каждый десятый, характерна была и для Оренбургского края.

Ничто не спасло известных в области партийных руководителей, советских работников, хозяйственников, простых рабочих и крестьян - ни биография, ни внешние благополучные признаки: "не был", "не состоял", "не участвовал", ни нравственные достоинства.

Уже в самом начале того черного года в области называются имена "вредителей" и "врагов народа". Эти люди чаще всего не относились к верхнему эшелону партийного и советского руководства. Так, в Бузулукском районе одними из первых были "раскрыты" колхозники колхоза им. Б. М. Молотова Сухореченского сельсовета: член правления колхоза Авинов и председатель ревизионной комиссии Хвостов. Газеты области были заполнены статьями о вредительстве. Вот их названия: "Вредительская практика продолжается", "Пусть трепещут все шпионы, диверсанты и вредители", "Враги народа", "Хранители вредительских наследств", "Пособник врага народа" и другие, в том же духе.

Сейчас становится ясно, что в области, как и по всей стране, намеренно создавалась иллюзия вредительства. В колбасных изделиях местного мясокомбината вдруг стали якобы очень часто находить битое стекло, на Оренбургском пивоваренном заводе обнаружилась неверная технология фруктовой воды. В продукцию Бузулукского спиртового завода подмешивался керосин. На Оренбургской швейной фабрике пошили 20 тысяч комплектов. Брюки были укорочены, у 2-х тысяч изделий были сделаны перекосы воротников. Шорно-седельная фабрика якобы изготавливала десятками тысяч негодных изделий. В Орске заражали питьевую воду. Примеров

"вредительства" можно привести еще много. В это время руководителей стали обвинять в том, что они "страдают идиотской болезнью - беспечностью". Этот "диагноз" частенько встречался на страницах печати.

Жители области, раскрывая тогда газеты, внимательно вчитывались в выступления И. В. Сталина, В. М. Молотова, А. А. Жданова, все больше убеждаясь в том, что враг не дремлет, он рядом и надо постоянно быть начеку. Вот и В. М. Молотов в апреле уверял: "Мы должны радоваться, что разоблачили врага в момент, когда идет подготовка к новым боям. Мы должны торопиться доделать это дело, не откладывая его, не проявляя колебаний". История теперь подтверждает - действительно торопились и в большинстве случаев не колебались!

В области шли аресты, начатые еще в 1936 году. А. А. Жданов в связи с этим поучал на февральско-мартовском Пленуме, что партийные организации не имеют права арестовывать своих членов, их дело - выявлять врагов, а арестом займутся особысты. В речи на этом же Пленуме он указал на отсутствие "авангардной роли коммунистов", подкрепив свой вывод примером из жизни партийной организации колхоза имени Ф. Э. Дзержинского Матвеевского района Оренбургской области.

Маховик репрессий в области начал со всей силой раскручиваться с марта 1937 года. Уже 20 марта собрание Оренбургского партийного актива назвало "враждебных людей". Секретарь Кваркенского райкома партии Александр Иванович Иванов обвинялся в связях с троцкистами. Член партии с 1919 года. Участник гражданской войны, был на Польском фронте. Доброволец из числа двадцатипяти тысячников, посланный работать в Асекеевский район. Редактор газеты "Колхозная правда" Бугурусланского района, секретарь Илецкого райкома партии. Он стал одной из первых жертв.

Аналогичное обвинение было брошено и в адрес заведующего отделом культурно-просветительной работы Оренбургского обкома партии Николая Павловича Тарноградского, члена партии с 1915 года. Являясь студентом медицинского факультета Киевского университета, принимал активное участие в студенческих выступлениях. Был арестован в 1916 году. В октябрьские дни 1917 года участвовал в боях в Виннице.

В годы гражданской войны - на подпольной работе. Был арестован петлюровцами, расстрелян избежал случайно. Воевал. В 1919 - председатель Полтавского губкома партии. После окончания гражданской войны на партийной работе. У него для этого были все данные: ораторский талант, организаторская хватка, неприязнь к чиновничьим методам работы. Работал в партийных органах Тюмени, Челябинска, Башкирии. В Ростове - в контакте с Р. С. Землячкой, затем секретарь Владивостокского окружкома партии. Делегат XII, XIII съездов партии.

С должности секретаря Новоорского райкома партии в феврале 1937 года "за скрытие своих троцкистских колебаний в прошлом" был снят Андрей Михайлович Акулик. В автобиографии Акулик написал о том, что в 1923 году имел незначительные колебания, однако потом, осознав неверность своей позиции, повел ожесточенную борьбу с троцкизмом.

"Антисоветская деятельность" в 1937 году приняла мощные масштабы в области. Сразу же после февральско-мартовского Пленума ЦК были названы в числе "врагов народа" известные на всю область имена.

Первыми жертвами нелепых и страшных обвинений стали председатель облисполкома и его заместитель, председатель горисполкома и его два заместителя,

руководители промышленных объектов области, многие партийные работники. Одна из групп "продажных подонков и лицемеров" имела отношение к "фашистско-троцкистской организации". Главарем группы был назван заместитель председателя Оренбургского облисполкома Николай Александрович Сорокин. Выступая перед партийным активом, руководитель областной парторганизации, А. ф. Горкин отметил, что "вредительством и диверсиями на предприятиях и в учреждениях области, а также на периферии руководил Н. А. Сорокин".

Николай Александрович родился в 1899 году в Горьковской области. Окончил реальное училище. Революционную деятельность начал в Астрахани, куда переехали родители. Член партии с 1918 года. Во время гражданской войны - красноармеец. В 1923 году - губвоенком оренбургской губернии. Работал на различных постах в Самарской губернии. Являлся заведующим в Бугурусланском райкоме ВКП(б), секретарем Абдулинского РК ВКП(б), председателем Самарского горисполкома. В 1934-1935 годах работал в Орске. Затем - заместитель председателя облисполкома. Делегат XV, XVI, XVII съездов партии. Может быть, потому и был арестован, что являлся делегатом "съезда победителей", на котором при тайном голосовании во время выборов нового состава Центрального Комитета фамилия Сталина была зачеркнута большим числом делегатов, чем на предыдущих съездах. И раз невозможно было установить вычеркнувших имя Сталина, под подозрение попали все делегаты съезда.

Сорокина и его "подельцев" обвиняли прежде всего в подготовке террористических актов, во вступлении в сговор с гитлеровской Германией и милитаристской Японией, готовых расплатиться с ними любой ценой. Разоблачить Сорокина, как отмечал А. Ф. Горкин, было делом нелегким. Только после того, как были выбиты показания у других, был арестован Сорокин. Как сказано в документах, "через Горбунова, Либмана, Лутцева и других нащупались нити к Сорокину". Указанные "вредители" - активные члены организации Сорокина. Либман - заместитель председателя горсовета, К. Н. Горбунов - директор швейной фабрики, Гаркуша - профессор Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, С. И. Лутцев - облпрокурор. После ареста "врагов народа" началось преследование их родственников. Начальник Бузулукского районного отделения НКВД Ф. И. Лезов настаивал на расправе с родственником Сорокина Со-ломатиным, заявив на районной конференции: "Соломатин является родственником контрреволюционера Сорокина, а мы с ним миндальничаем". На этой же конференции лишили прав делегата конференции заведующего районе. Причина - родственная связь с Н. А. Сорокиным.

Как "заядлый враг народа" был арестован директор Оренбургской швейной фабрики К. Н. Горбунов. Однако это случилось чуть позже ареста первой группы оболганных членов партии. В печати, на партактивах в его адрес постоянно звучала резкая критика. Несмотря на это, во время очередных выборов он был избран в партком фабрики, что вызвало своего рода шок у некоторых работников обкома партии: "Как могло случиться, что покровитель троцкистов и зажимщик критики Горбунов попал в члены парткома швейной фабрики?" - вопрошала областная газета. Результаты выборов, конечно, были аннулированы. В начале мая Константин Николаевич решением обкома партии был выведен из состава кандидатов в члены обкома и снят с работы. На защиту К. Н. Горбунова, несмотря на участвовавшие аресты "троцкистов", выступила председатель фабкома Шенина. За это - по партийной линии - выговор, а по административной - уволена.

В сложное время, когда людей уже охватывал страх, не каждый позволял себе встать на защиту человека, имевшего клеймо "врага народа". Именно в той тяжелейшей ситуации выверялись личностные качества, и в первую очередь мужество людей. В облпрокуратуре коммунисты отстаивали своего сотрудника Воробьеву. "На собрании нашлись ярые защитники". Конечно, нашлись и ревнители указаний сверху. К чести коммунистов, они не дали расправиться со своим товарищем, проголосовали только за выговор. Однако Кировский райком партии все же исключил Воробьеву из рядов ВКП(б).

На защиту профессора Оренбургского сельскохозяйственного института С. С. Бажанова, объявленного "откровенным реставратором капитализма", бросились ректор Пудаев, научные сотрудники Волох, Поляков, Гусев, Храмов, Журкин, Гатин, Татрин, Гончаров, Шумкин. Бесстрашные "защитительные" действия уже были опасны.

На Бляве также якобы действовала террористическая группа под руководством начальника "Ормедьзолота" Бронислава Юльевича Кудиша. Кудиш был арестован за тесную связь с уже оболганным и расстрелянным замнаркоматяжелой промышленности СССР Г. Л. Пятаковым, за то, что вроде бы по его указанию срывалось строительство медно-серного рудника, шахты затоплялись кислотными водами, противопожарные меры саботировались. Б. Ю. Кудиша исключили из партии в феврале тридцать седьмого, а в марте он был арестован. А. Ф. Горкин на 2-й областной партконференции обвинял заместителя наркома тяжелой промышленности А. П. Серебровского в том, что он затруднял разоблачение Б. Ю. Кудиша. В этой сложной ситуации не все молча отдавали товарищей на расправу, хотя Б. Ю. Кудиша обвиняли и в родственной близости с А. П. Серебровским. Начальника "Ормедьзолота" защищали секретарь парткома этой организации член партии с 1919 года Н. И. Иванов, главный инженер Евангулов. Оба они отрицали вредительство Б. Ю. Кудиша. Однако из Кувандыка продолжали поступать "сигналы". Припомнили и то, что он был инициатором присвоения "Ормедьзолоту" имени Г. Л. Пятакова. Вчитываясь в содержание этих "сигналов" задаешь себе вопросы: что это? Непокколебимая вера? Или желание расправиться с человеком? Удобный момент свести счеты? Или страх за себя, возможность таким образом "обелить" себя? Ответ на эти вопросы найти трудно. Не реагировал на эти "сигналы" уполномоченный НКВД в Бляве Теремьякин, за что и был арестован.

Уже к июню, к областной партконференции были получены "правдоподобные" признания членов "троцкистско-фашистской" организации. Вот "показан!-" второго секретаря Орского горкома партии А. Е. Цвилюховского: "Основные диверсионные акты наша организация наметила проводить в военный период, главным образом, на никельзаводе и крекингзаводе, вывод которых из строя лишил бы армию никеля и бензина".

О том, как следователи выколачивали признания, печать писала не раз. Практически все особисты следовали секретной инструкции, принятой 29 июля 1936 года, за месяц до первого процесса, о допустимости применения любых методов следствия в отношении "шпионов, контрреволюционеров, белогвардейцев, троцкистов и зиновьевцев". Руки были развязаны...

Русская православная церковь на Южном Урале в 30-40-х гг. XX в.

к концу двадцатых годов антирелигиозная пропаганда в стране уже тесно увязывается с количеством закрытых культовых зданий. Комиссия по культовым вопросам в январе 1930 г. предоставила областным и краевым исполкомам право решения на закрытие молитвенных зданий. В 1930 г. в Оренбурге были закрыты следующие церкви:

Молитвенные здания	Количество членов общины	Адрес
Успенская церковь	-	Красный городок
Кресто-Никольская церковь	304	Архиерейский дом
Спасо-Преображенская церковь	60	Берег Урала
Петро-Павловская церковь	203	ул. Советская
Богодуховная церковь	-	Маяк
Успенский женский монастырь	-	

К этому списку следует добавить пять часовен и несколько молитвенных домов. Здание бывшего Успенского женского монастыря в Оренбурге передали школе "Воздухобоя". Закрывается церковь в с. Бродском, молитвенный дом в Илеке. Церковь на горе Маяк в г. Оренбурге передали электростанции, а священники В. М. Курдюков и И. Н. Миронов, обвиненные в антисоветской деятельности 19 апреля 1930 г. при полномочном представителе ОГПУ по Средне-Волжскому краю, были приговорены к высшей мере наказания. Всего по этому делу проходили 24 человека. Четверо получили 110 лет исправительно-трудового лагеря, 23 человека - различные сроки наказания.

В декабре 1931 г. началась кампания по закрытию Дмитриевской церкви в Оренбурге. 14 марта 1931 г. на заседании закрытого президиума Сорочинского РИКа стоял вопрос о закрытии второй церкви в Сорочинске. В результате было решено: "Церковь использовать как строительный материал под Сорочинскую электростанцию".

В Челябинской области с 1935 по 1940 гг. было закрыто более 200 молитвенных зданий. В Оренбургской области прекратили деятельность более 300 церквей.

В 30-е годы приговорены к высшей мере наказания священнослужители Южного Урала - Н. Д. Касаткин, Д. Г. Калетин, Н. С. Блинов, Г. Д. Новиков, П. Л. Наумов, М. Ф. Пипикин, П. Г. Зайцев, Н. А. Покровский и другие. 31 августа 1937 г. приговорили к высшей мере наказания в возрасте 76 лет епископа старообрядческой Успенской церкви г. Бугуруслана Сергея Яковлевича Расторгуева. Дело Расторгуева было сфальсифицировано. Его обвинили в участии в контрреволюционной монархическо-повстанческой организации, в вербовке новых членов. Следствие якобы доказало, что он призывал к совершению террористических актов против коммунистов, советского актива, организовывал массовые выходы из колхозов. 2 сентября 1937 г. епископ С. Я. Расторгуев был расстрелян (реабилитирован в 1989 г.)

2 октября 1937 г. тройка НКВД по Челябинской области приговорила митрополита Петра Крутицкого к расстрелу, а 10 октября в четыре часа дня приговор был приведен в исполнение. По нашим данным, в Оренбургской области в

предвоенные годы по сфабрикованным делам было репрессировано 150 служителей церкви. Среди них священники, дьяконы и монахи, Данные различных регионов, сливаясь с другими, дали следующую картину по стране: к 1939 г. на свободе было всего четыре правящих архиерея, три митрополита и один архиепископ, кроме того, некоторое число епископов находилось на покое или на должности настоятеля храмов.

В предвоенный период практически все стороны жизни православной церкви угасли. Для уничтожения религиозных "пережитков" использовались санкционированные высшей властью запретительные и репрессивные административные меры.

К началу 1941 г. в Чкаловской области из 327 недействующих церквей практически все были заняты различными организациями, исключение составляли: Зиянчуринский район -1 церковь, Гавриловский район -1 церковь, Секретарский район - 5 церквей, Октябрьский район - 2 церкви. Свободны были также Казанская церковь в п. Соль-Илецк, Никольская церковь - в с. Спасском Сорочинского района, Христорождественская церковь в с. Георгиевка Александровского района.

Наибольшее количество недействующих церквей было сосредоточено в следующих районах Чкаловской области:

Сорочинский район - 23
Бугурусланский - 17
Шарлыкский - 17
Курманаевский - 14
Тоцкий район - 13
Секретарекии - 12
Мордово-Боклинский - 12
Андреевский - 10

И все же корни религиозности в народе не были уничтожены. В Чкаловской, Челябинской, Курганской областях отмечалось массовое распространение групповых богослужений в домах верующих или под открытым небом - на кладбище, у зданий церкви. Так, богослужение в Орске до 1943 г. проходило на кладбище. Постоянно действовал молитвенный дом в с. Красный Яр Илекского района. По данным М. А. Вылцана, в стране 50% населения оставалось верующим.

С осени 1941 г. в сельской местности стали распространяться "религиозные письма", в которых население призывалось молиться три раза в день, не работать по воскресеньям и размножать письма в девяти экземплярах. Данные письма колхозницы передавали в правления колхозов, в сельсоветы или отправляли в органы НКВД. В райкоме ВКП(б) Александровского района Чкаловской области в связи с распространением писем по району верующие получили следующую характеристику: "религиозники - агенты фашизма". Несомненно, это было ничем не обоснованное заключение.

В литературе бытует мнение, что органы советской власти вопросами церкви вплотную начали заниматься только начиная с конца 1943 г., когда наметился перелом в государственно-церковных отношениях. Однако выявленные документы говорят о том, что в начале войны, проявляя заботу о церкви, местные органы власти выделяли верующим здания для совершения обрядов. Так, 13 октября 1941 г. исполком Чкаловского областного Совета принял решение о предоставлении староцерковникам одну из церквей в г. Чкалове и церковь в с. Берды. Обновленцам - бывшую

Покровскую церковь в г. Чкалове. Религиозной секции евангелистов - бывший молитвенный дом в г. Чкалове по Матросскому переулку, занятого базой "Текстильсбыта". Секта старообрядцев получила церковь в с. Подгородняя Покровка.

На высоком государственном уровне потепление в отношениях в церковь наступило осенью 1943 г. - после встречи И. В. Сталина с высшими иерархами Русской Православной Церкви. Был образован Совет по делам Русской Православной Церкви во главе с полковником госбезопасности Г. Г. Карповым.

На должность Уполномоченного Совета по делам РПЦ по Чкаловской области был назначен П. Г. Теплярев. Согласно Положению о Совете его уполномоченные "наблюдали" за правильным и своевременным проведением в жизнь постановлений правительства и других указаний, касающихся деятельности церкви, "представляли" в СНК СССР заключения по вопросам компетенции Совета, "вели" общий учет молитвенных зданий.

К 1943 г. в Чкаловской области из имевшихся 327 церковных зданий 319 были заняты под различные учреждения, склады, архивы и т. д. Приведем следующие данные:

Молитвенные здания	Какой организацией заняты
Никольский кафедральный собор, г. Чкалов	Архивы из Ленинграда
Дмитриевская церковь, г. Чкалов	Автомобильная рота ЮжУрВО
Успенский монастырь, г. Орск	Клуб для военнослужащих
Старообрядческая церковь, г. Бугуруслан	Склад "Нефтестроя"
Кладбищенская церковь, г. Бугуруслан	Воинский ветеринарный склад
Кладбищенская церковь, г. Бузулук	Архивный отдел НКО СССР
Петро-Павловская церковь, г. Бузулук	Воинская часть № 13734

Верующие изыскивали всякую возможность для совершения обрядов. Так, в Чкалове рождественские богослужения 1944 г. прошли в двух домах, на улице Островского № 35 и на улице Кавалерийской № 63. На службе присутствовало около 50 человек. Богослужение провел священник Б. Н. Крутевич. Священник И. С. Прокопович в праздник Рождества провел службу на квартире одной из верующих, где собралось около сотни человек.

Молитвенные здания

Отдельные группы верующих проявляли завидную настойчивость. Они писали повторные заявления и письма правительству, в Совет Русской Православной Церкви, в Синод, Патриарху Сергию, в местные органы власти. 301 верующий с. Спасского Сорочинского района подписали ходатайство об открытии бывшей Никольской Церкви. На 1 марта 1944 г. заявления об открытии церковью подали верующие следующих населенных пунктов Чкаловской области:

Молитвенные здания	Количество верующих
Никольская церковь, г. Чкалов	664 человека
Церковь в Красном городке, г. Чкалов	280 человек
Дмитриевская церковь, г. Чкалов	111 человек
Успенский женский монастырь, г. Орск	12 человек от лица 200 верующих
Петро-Павловская церковь, г. Бузулук	28 человек
Старообрядческая церковь, г. Бугуруслан	25 человек
Церковь в с. Красный Яр Илекского района	25 человек
Церковь в с. Абрашкино Грачевского района	16 человек

Со дня организации Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР к 15 апреля 1944 г. представлено от верующих Уполномоченному Совету по делам РПЦ при снятии по Чкаловской области 21 заявление об открытии церкви. В 1944 г. картина поступления заявлений об открытии православных храмов выглядела следующим образом:

- 1 квартал 1944 г. - поступило 21 заявление,
- 2 квартал 1944 г. - поступило 23 заявления,
- 3 квартал 1944 г. - поступило 11 заявлений,
- 4 квартал 1944 г. - поступило 6 заявлений.

В 1944 г. в первую половину 1945 г. в Челябинской области было подано 107 ходатайств властям о разрешении деятельности культовых учреждений в различных районах и городах.

В связи с тем, что рассмотрение заявлений об открытии церквей обычно затягивалось на несколько месяцев, длилось подчас более полугодя, верующие обращались с просьбой разрешать совершать обряды в частных домах. Под давлением граждан местные власти разрешили богослужение в частном доме в с. Троицком Троицкого района и в Черкассах Саракташского района. Молитвенные дома начали действовать в 1943-1944 гг. в городах Абдулино и Орске.

Государственная политика по отношению к церкви соответствовала высказанному В. М. Молотовым пожеланию: "Открывать церкви в некоторых местах придется, но нужно сдерживать решение этого вопроса..." О том, как местные власти препятствовали открытию церкви, свидетельствует такой факт. В 1944 г. Чкаловский облисполком отклонил ходатайства об открытии церквей, присланных из с. Воздвиженка Пономаревского района г. Медногорска, г. Кувандыка, из Ак-булака, из с. Елатомка Бугурусланского района и др.

Утверждение, что в годы войны церковь начала возрождаться, было бы слишком смелым. Из более чем 60 заявлений о разрешении открыть храмы, поступивших в Чкаловский облисполком, было рассмотрено 36 и только 7 были удовлетворены. Всего за годы войны были приняты решения об открытии семи церквей: в г. Чкалове, с. Студенцы Гавриловского района, с. Верхняя Платовка Новосергиевского района, г. Абдулино, с. Спасском Сорочинского района, с. Черкасса Саракташского, с. Георгиевка Александровского районов.

В Курганской области служба началась только в двух храмах. В Челябинской области из 109 заявлений в годы войны удовлетворили 25.

Результаты были незначительными, и это несмотря на то, что В. И. Сталин в беседе с иерархами Русской Православной Церкви 4 сентября 1943 г. в Кремле заверял, что "церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства во всех вопросах, связанных с организационным укреплением и развитием..."

Эшелоны идут в Оренбург

Волнующими страницами истории Великой Отечественной войны Ухвывается осуществление невиданной в истории эвакуации. Уже первые правительственные решения об эвакуации непосредственно коснулись Оренбурга. Летом 1941 года эвакуированные предприятия прибывали в центр Оренбуржья из северо-западных областей РСФСР, Белоруссии, Украины.

В суровые дни июля сорок первого Оренбург начал прием и размещение эвакуированных предприятий. 20 июля поступил авиационный завод № 245 из Киева, сумевший вывезти 70% заводского оборудования. На следующий день город принял Великолукский паровозоремонтный завод. Эшелоны прибывали вплоть до 29 июля, удалось доставить к месту назначения почти все оборудование. 25 июля оренбуржцы получили станки и сырье, принадлежавшие Витебской мебельной фабрике. Витебск подвергся бомбардировке в первые же часы войны. Из Витебской области в тыловые районы страны были вывезены рабочие кадры и грузы 37 крупных промышленных предприятий. В пути эвакуированное оборудование мебельной фабрики не пострадало. Удача сопутствовала не всем предприятиям. Например, эшелоны Витебской трикотажной фабрики "КИМ" попали под вражескую бомбежку, поэтому до места назначения дошло не более 10% основного оборудования.

29 июля велась также разгрузка завода "Арсенал-1" из Балаклеи Харьковской области. Из Гомеля, второго по величине промышленного центра Белоруссии, где насчитывалось 42 крупных предприятия, в Оренбург 28 июля прибыла трикотажная фабрика имени 8 Марта.

Принятые экстренные меры спасли от врага важнейшее промышленное оборудование и материальные ресурсы Украины. Из Одессы на морских судах было вывезено оборудование завода "Автозапчасть". Из Полтавы перебазировали мясокомбинат, из Ворошиловграда - завод № 545 Наркомата вооружения, из Харькова - завод медаппаратуры, из Днепропетровска - артель "Красный штамповщик". Из Киева также поступили кроме авиационного завода пив-завод и дрожжевой завод. К концу ноября 1941 года, в момент непосредственной угрозы столице, из Москвы и Московской области была эвакуирована в глубокий тыл большая часть оборудования 498 предприятий. Из Москвы в Оренбург отправили завод сверл, путере-монтажный, механический завод № 2, шнуроплетельную фабрику № 5. В ноябре в Оренбурге начали устраиваться четыре московских трикотажных фабрики: имени М. Горького, имени Красной Армии и Флота, "Молоти серп" и "Красная роза". Со станции Люберцы Московской области был отправлен завод масел № 8.

Большой объем эвакуационных работ провели ленинградцы. В Оренбург они перебазировали несколько военных заводов. Спасено было оборудование завода № 14, завода № 47 Наркомата авиапромышленности, завода № 174 имени К. Е. Ворошилова Наркомата танковой промышленности и завода № 358 Наркомата боеприпасов.

Оренбуржцы приняли из Курска три предприятия легкой промышленности, из Таганрога - завод "Металлист", из г. Ельцы Орловской области - станкостроительный завод.

Не все перебазированные предприятия размещались в Оренбурге, некоторые переправлялись по другим адресам. Из Оренбурга была отправлена московская текстильная фабрика имени Красной Армии и Флота. Оборудование Киевского пивзавода было передано в Акбу-лак, часть разместилась на Оренбургском пивзаводе. Текстильное оборудование было доставлено в Кинель: прядильные веретена, ткацкие станки и чесальные машины. Среди станков и механизмов оказалось много поломанных. Из 269 станков Великолукского ПВРЗ - 23 станка передали другим заводам по распоряжению Наркомата. Витебская мебельная фабрика поступила в распоряжение завода № 47, и на ее базе был образован деревообделочный цех.

Эвакуированные предприятия старались спасти как можно больше оборудования. Курская швейная фабрика перевезла 340 станков, Гомельская трикотажная фабрика - 368, арсенал - 730, фабрика "Красная роза" - 750. Заводу № 545 удалось привезти 865 станков и 5 прессов. Шнуроплетельная фабрика отправила из Москвы 9 вагонов техники, киевский завод № 245 - 35 вагонов с оборудованием. С заводами эвакуировались рабочие, служащие, инженерно-технические работники и члены их семей. Так, с заводом № 47 из Ленинграда приехало 1600 человек, с заводом № 174 - 3466, из них только рабочих - 2384. Завод № 545 смог вывезти только 671 человека.

Прием, размещение и пуск эвакуированных заводов было исключительно сложным и трудным делом. Разгружали оборудование и доставляли его на отведенные площадки в осеннюю непогоду, в суровые морозы, из-за нехватки механизмов часто вручную. Готовых производственных площадей не хватало. Станки и машины приходилось размещать в недостроенных корпусах промышленных объектов, в гаражах, складах, торговых помещениях, а иногда в учебных заведениях и клубах.

Завод "Металлист" разместился на производственных площадях горпромкомбината, заводы № 545 и № 60 - в корпусах сельскохозяйственного института, зданиях горторга, военных складах города. Завод "Автозапчасть" занял недостроенные корпуса кондитерского комбината имени В. П. Чкалова и территорию завода имени С. М. Кирова.

Завод сверл приняла автоколонна № 2, завод № 47 устроился в авиамастерских, на площадях мебельной фабрики и в ангаре авиаучилища. Завод № 245 поселился на территории промартели "Красный уралец", маслозавод № 8 Наркомата нефтяной промышленности и завод имени М. И. Кошкина уместились на площадке кирпичного завода в поселке Берды. Московский путеремонтный механический завод № 2 разгрузили на заводе "Красный партизан". На базе Оренбургского паровозоремонтного завода разместился ленинградский завод № 174, позднее сюда же прибыли Великолукский, Воронежский, Ворошиловградский паровозоремонтные заводы.

Станкозавод имени С. М. Кирова из Витебской области самоотверженно демонстрировал оборудование в условиях наивысшей угрозы. Прибыв в пункт

назначения - Оренбург, завод разместился на местном родственном предприятии - на базе оренбургского станкозавода.

Часть предприятий развертывалась как самостоятельные: завод сверл, "Автозапчасть", завод № 545, завод масел и другие. Иногда на одну и ту же территорию претендовало несколько организаций. 2 августа 1941 года Оренбургский облисполком получил распоряжение правительства о передаче Наркомату вооружения всех зданий Оренбургского сельскохозяйственного института. Однако по решению ГКО они были ранее переданы другим организациям: одна часть Наркомату станкостроения СССР, другая Наркомату совхозов СССР. В результате заводу № 545 предложили здания хирургической и терапевтической клиник, учебную кузницу общей площадью 2658,77 кв. м.

Трикотажная фабрика из Гомеля заняла помещение фабрики имени 1 Мая, склады шорно-седельной и швейной фабрик. В гараж облсвязи въехала Ржевская шелко-крутильная фабрика. Днепропетровскую швейную артель "XVIII лет Октября" передали артели "Швей-труд". Полтавский мясокомбинат поместился на родственном предприятии.

Предприятия начинали вступать в строй через 1,5-2 месяца. Частично начал выпускать продукцию через 1,5 месяца завод № 545. Оренбургские областные власти обращались за помощью по вопросам в организации завода № 545 к члену Государственного комитета обороны Г. М. Маленкову. ПВРЗ начал давать продукцию через пять недель, завод "Автозапчасть" - в ноябре 1941 года, киевский завод № 245 значительно раньше - первого сентября.

Оренбургский горсовет проводил большую работу по приему и восстановлению эвакуированных предприятий, по обеспечению их рабочей силой и необходимыми материалами. Круглые сутки монтировались заводы. Всю ночь на их территориях пылали огни, люди забывали о сне, пище, отдыхе. Работали по двенадцать-четырнадцать часов подряд, а иногда целыми сутками не уходили домой.

"Условия работы были очень тяжелыми, - пишет в своих воспоминаниях Е. М. Яценко из Луганска, эвакуированная в 1941 году вместе с заводом № 545. - Помещение для работы было так мало, тяжелый воздух от вырабатываемой продукции, в большинстве случаев преобладал ручной труд. Работали по 12, а порой по 14 часов в сутки, несмотря ни на какой возраст, без выходных дней, отпусков, даже перерыва на обед и прочих хотя бы малых благ."

Урал давал в годы войны до 40% всей военной продукции страны. В первые месяцы военных действий был налажен выпуск минометов, мин, гранат, патронов и другой военной продукции в Оренбурге. В октябре 1941 года тринадцать предприятий в Оренбурге полностью приступили к выполнению военных заказов, а двенадцать выполняли их частично. Коллективы заводов освоили серийное производство вооружения и боеприпасов. Необходимую фронту продукцию: танки и снаряды выпускал завод № 174 имени К. Е. Ворошилова. Еще в первой половине 30-х годов при активной поддержке С. М. Кирова и заместителя Наркома обороны М. Н. Тухачевского в опытно-конструкторских машиностроительных отделах завода № 174 имени К. Е. Ворошилова велись работы по созданию самоходных артиллерийских установок (САУ) для механизированных и моторизованных соединений Красной Армии.

На паровозоремонтном заводе выпускали танк-50. Корпуса и башни поступали из Саратова, моторы поставлял Челябинский тракторный завод, радиаторы привозили из Троицка. В одном из цехов этого завода выпускали 122-мм снаряды, в другом цехе изготавливали взрывчатые вещества.

На станции Донгузской по распоряжению Главного артиллерийского управления разместился ремонтно-артиллерийский завод № 2. Ему были переданы оружейно-ремонтные мастерские полигона при станции Донгуз, Первомайский поселок и шесть домов в поселке полигона. Завод производил минометы, нашедшие широкое применение в Великую Отечественную войну. К началу войны Красная Армия имела первоклассное минометное вооружение. В 1943 году минометы составляли более половины артиллерийских средств.

Завод № 545 давал фронту утяжеленной винтовочный патрон. Биметалл поставляли Алапаевский и Михайловский заводы Наркомата черной металлургии, капсюли привозили из Чапаевска, порох поступал из Казани. Уже в декабре 1941 года завод № 545 выпустил 307 тысяч винтовочных патронов. Артель "Красный штамповщик" из Днепропетровска освоила производство гранат.

Большие усилия предпринимались для того, чтобы переключить предприятия станкостроения, общего машиностроения, местной промышленности на выпуск боеприпасов. В начале войны из строя выбыло 303 завода, изготавливающих боеприпасы.

Завод "Автозапчасть" производил минные взрыватели, Оренбургский ликероводочный завод освоил производство флегматизаторов к 37, 57, 76 и 85-мм выстрелам, оренбургский шелкоткацкий комбинат начал производство ткани для парашютов, "Трактородеталь" - осколочные мины.

На эвакуированных заводах работали высококвалифицированные специалисты. На заводе № 174 начальниками цехов являлись ленинградцы Г. П. Леонтьев, А. Ф. Вьючков, И. З. Брудный, П. К. Казарин, на заводе "Автозапчасть" отличились в войну наладчики К. М. УСТИ-менко, П. И. Шаргородский, А. М. Рывчин, на заводе № 545 - мастер Ленец, инженер Баскин и др.

Намеченные сроки восстановления не всегда выдерживались, так как не все оборудование удалось вывезти. Положение усугублялось нехваткой рабочих рук, кадров инженерно-технического персонала и материальных ресурсов. Все трудности военного времени не сломили полую рабочих. Благодаря самоотверженности и мужеству трудовых коллективов удалось преодолеть невероятные трудности, связанные с перемещением производственных сил. Работники эвакуированных предприятий делали все, чтобы в кратчайший срок пустить их в строй. Работали на строительных площадках круглосуточно. Возрожденные на новых местах заводы вместе с ранее существующими намного увеличили производительные мощности города.

Немецкий военный историк Типпельскирх вынужден был признать: "Вновь созданная по ту сторону Урала перебазированная туда военная промышленность работала на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов."

Возвращались в строй боевой

Шла тяжелая, разрушительная война. Перед медиками Оренбуржья в военное время встали новые сложные задачи. Одна из них - обеспечить успешное лечение в эвакогоспиталях раненных и больных воинов при резко сократившихся возможностях.

Раненные стали прибывать в июле сорок первого. Под госпитали было отдано 167 лучших зданий, в том числе 69 школ, 24 больницы. Все они обеспечивались медицинским персоналом, лекарствами, инвентарем. Большую поддержку госпитали получили от населения. Так, рабочие и служащие станции Оренбург израсходовали на оборудование около 50 тысяч рублей, отработав в пользу раненных на воскресниках более 1500 рабочих дней. В подготовке пяти больших зданий участвовало свыше трехсот женщин Бугуруслана. В первое военное полугодие в оборудовании госпиталей, ремонте помещений, стирке белья, пошиве и других работах участвовало около семи тысяч человек, а проделанная ими работа оценивалась в 800 тысяч рублей.

Эвакогоспитали были размещены в Оренбурге, Орске, Бузулуке, Бугуруслане, Медногорске, Сорочинске, Новоорске и других населенных пунктах. В 1943 году в области насчитывалось 44 госпиталя, в которых лечилось около 17 тысяч человек. Здесь самоотверженно трудились врачи В. К. Клепина, Н. И. Лысикова, А. Н. Силантьев, Н. И. Тушева, В. И. Мельникова, А. М. Никонорова, В. А. Рябинская, В. А. Соловейчик и другие.

В них переходил работать персонал лечебных учреждений. Так, в тоцком госпитале старшими медсестрами стали работать В. М. Терен-тѣпа, А. М. Шиповских, А. С. Иванова и другие. Обслуживающий персонал во всех госпиталях состоял в основном из женщин. Заместитель начальника госпиталя № 16-58 Т. Сабитов вспоминает: "...Врачам и медсестрам приходилось трудиться по две смены, а когда прибывали эшелоны с ранеными, работники госпиталя не покидали своих мест сутками. И ни упрека, ни жалобы на трудные условия работы."

В 1943 году было проведено 23126 операций. В госпиталях Оренбургской области осуществлялась четкая система оказания специализированной медицинской помощи. Медики делали все возможное для внедрения новейших методов лечения и повышения качества обслуживания раненых больных, которых обычно называли для краткости "ранбольные". Новейшие хирургические методы сочетались с лечебной физкультурой, трудотерапией, физиотерапией и использованием климатических факторов.

Научный поиск в больших масштабах осуществлялся как в научных учреждениях г. Оренбурга, так и в эвакуированных госпиталях. Профессор С. Г. Миронов изучал причины возникновения септической ангины, нашел способы лечения и профилактики этой болезни. Профессор Тамарин в начале апреля 1942 года начал успешно применять электромагнит при операциях по извлечению осколков. Врач Лысенко занимался усовершенствованием приборов для устранения тяжелых повреждений лица. Он, например, восстановил щеку лейтенанту Кинуридзе, без каких-либо заметных дефектов лица отправился на фронт младший лейтенант Кондратьев, поступивший в госпиталь в тяжелом состоянии.

Коллектив ученых Харьковского мединститута, эвакуированного в Оренбург, уделял большое внимание проблемам военно-полевой терапии, в частности, острого

ревматизма и нефрита. Этими проблемами были заняты профессора Е. Черников, С. Синельников, И. Брауде.

Медперсонал госпиталя регулярно организовывал конференции, которые способствовали популяризации передового опыта.

В октябре 1942 года в Оренбурге по инициативе профессоров-хирургов медицинского института было создано общество хирургов Оренбургской области, поставившее своей задачей максимально быстрое излечение раненых. Большую роль хирургическое общество сыграло для повышения квалификации и научного роста молодых ученых.

В напряженной работе медиквв встречалось много трудностей.

Не хватало врачей. Острая нужда ощущалась в перевязочном материале, лекарствах, в зубоврачебных инструментах, в аппаратах для измерения кровяного давления. Большая часть врачей не была знакома с травматологией военного времени. Отдел госпиталей вел большую работу по повышению квалификации и переквалификации врачебных и средних медицинских кадров госпиталей.

Госпитали снабжались медикаментами, получаемыми на предприятиях Оренбурга, Орска, Бугуруслана. Было освоено производство гематогена, инсулина и адреналина. Высокоэффективное лекарство - пенициллин в годы войны выпускал Орский мясокомбинат. В 1945 году было получено 11,8 килограмма, этого было достаточно, чтобы курс лечения пенициллином прошли около 100 000 больных. Орский мясоконсервный комбинат выпускал более 50 наименований лекарств.

Значительную помощь госпиталям оказывал эвакуированный в У кра-инский институт эпидемиологии и микробиологии имени И. И. Мечникова. Эпидемиологи старались надежно оградить армию и население от неизбежных спутников войны - эпидемий.

Оренбургский областной комитет помощи раненым поддержал предложение медиков об использовании мельничных отходов, богатых витаминами А, В, Е и изготовлении концентратов витамина С из местного шиповника. Массовое производство витамина С в таблетках началось уже в 1942 году.

После лечения многие отправлялись на фронт, откуда приходили врачам и медсестрам солдатские треугольники. Боец Смирнов выразил признательность хирургу Лысенко "за счастье вторично участвовать в разгроме фашизма". Более сотни писем со словами благодарности хранит хирург Т. М. Складчикова, проделавшая в годы войны более 400 сложных операций, 325 переливаний крови.

В Орске удалось познакомиться с бывшей старшей медсестрой госпиталя № 33-14 А. Н. Ханаш.

Она вспоминала: "Для перевозки больных с вокзала к госпиталю не хватало повозок. Больных приходилось нести на носилках, а расстояние - приличное. Пока донесешь - все руки обморозишь и надорвешься. Медицинские сестры шили больным из старых брюк и ватников теплые халаты. Часто самим приходилось стирать бинты, в том числе и те, в которых бойцы прибывали с фронта."

В оренбургских госпиталях выхаживали и воинов сформированного в 1942 году Отдельного чехословацкого батальона. Бывший раненый, больной Отто Витек, спустя годы, писал в Бузулук: "...После ранения у Соколове я лечился у вас в госпитале. Начальником госпиталя была женщина. Заботилась она вместе с подчиненным ей персоналом о нашем быстрейшем выздоровлении, чтобы мы могли быстрее

возвратиться в свою часть, на фронт, помочь разгромить и изгнать фашистских оккупантов". Начальником отделения госпиталя была врач Т. А. Есенова.

В Соль-Илецком госпитале лечили немецких военнопленных. Врач этого госпиталя, ныне профессор Т. И. Парфенова-Аникина, живет в Москве. Она пишет: "Немцы прибыли в ужасном состоянии. У больных пеллагрой была ослаблена умственная деятельность, кожа в экземе. Они ходили под себя, за ними надо было все время убирать. ...Оказалось, что пеллагрикам необходимо четырехразовое мясное питание, особый рацион требовался туберкулезникам. Соль-Илецкие вдовы кормили с ложечки пленных, а потом брели к своему скудному тыловому пайку по карточкам".

Иначе обращались с пленными ранеными фашисты. Тяжелораненый танкист из села Гатчина Шарлыкского района Ф. Е. Горяинов полгода полуголодным, без лекарств пролежал в захваченном фашистами госпитале. При отступлении пленных закрыли в сарае и подожгли. Спасли обреченных вовремя подоспевшие американские солдаты.

Благодаря хорошей лечебной работе в тыловых советских госпиталях, всестороннему вниманию и заботе о раненых многие из них возвращались в строй. Газета "Правда" в те годы писала: "Каждый воин - это наша победа. Это победа советской медицинской науки, разработавшей эффективные, уже проверенные на практике средства лечения".

Освоение целинных и залежных земель в Оренбуржье: опыт, проблемы, уроки

От Светлинского до Первомайского района протянулся целинный \и/гтояс Оренбуржья. В результате освоения целинных и залежных земель в Оренбургской области было распахано 1,8 миллиона гектаров. Только в Светлинском районе освоили 331 тысячу гектаров целинных земель.

В 1954 г. на освоение целинных и залежных земель прибыло 11270 человек, в том числе 8058 - в совхозы и 3212 - в МТС (Чкалов-ская коммуна. - 1954. - 11 декабря). Из областного центра с 1954 по 1958 годы выехало более 1200 человек (Южный Урал. - 1958. - 3 ноября). В Оренбургский край осваивать целину приехали добровольцы Украины, Белоруссии, Латвии, Чувашии, Мордовии, Московской, Ленинградской, Смоленской, УЛЬЯНОВСКОЙ, Краснодарской, Куйбышевской, Рязанской, Пензенской и других областей. В первом отделении совхоза им. С. М. Кирова Кваркенского района (ныне АО "Приморский") первую борозду проложил латышский комсомолец. Дорожная романтика сменилась трудовыми буднями. Первоцелинники работали в тяжелейших условиях: необжитые места, бездорожье, десятки и сотни верст от железной дороги и культурных центров, зимой в магазинах - только мерзлый хлеб и консервы. Не все выдержали трудности.

Решение грандиозных задач зависело от укрепления материально-технической базы сельского хозяйства. Только в 1954 г. область получила свыше 2 тысяч новых тракторов, более 1 тысячи комбайнов и много другой техники. В 1951 г. на один совхоз в среднем приходилось 77 тракторов, в 1958 г. - 176. Среди новоселов было мало знающих технику людей. С 1953 г. по 1958 г. по путевкам комсомола из училищ

механизации сельского хозяйства было направлено 21176 человек. В марте 1956 г. 20 выпускников училища механизации из г. Бирска Башкирской АССР приехали на целину, начав работу в 10 бригаде 6 участка совхоза "Акжарский".

В 1956 г. Оренбургская область сдала государству 153 млн. пудов хлеба. Тогда как в 1953 г., в одном из урожайных, область сдала государству 65 млн. пудов хлеба. Больше всего хлеба собрал Адамовский район - 29 млн. пудов. Этот же район сдал в урожайном 1953 г. 1,8 млн. пудов. За счет освоения новых земель и повышения урожайности увеличилось производство зерна в Акбулакском, Кваркенском, Буртинском, Тепловском, Новоорском, Домбаровском районах. За 29 лет совхоз "Веселый", по подсчетам А. С. Спицина, вырастил 4 652 184 центнера (Ясненский вестник. - 1993. - 2 ноября).

Стало развиваться животноводство. В совхозе имени XIX парт-съезда в 1956 г. появилось 50 коров. Тридцать лет спустя совхоз имел 2 тысячи голов крупного рогатого скота, в том числе 750 коров, 2500 свиней. В 1958 г. в совхозах Адамовского района имелось крупного л Рогатого скота 16736 голов, в том числе 5603 коров; овец - 39750, свиней - 4276. Акционерное общество "Тобольское" - одно из самых крупных хозяйств в Светлинском районе. Оно содержит в настоящее время почти 15 тысяч овец, производит свыше семидесяти тонн тонкой шерсти.

В области на целинных и залежных землях было создано 11 крупных совхозов, 13 совхозов - на базе слабых колхозов и МТС. Самым крупным из них в стране по размерам посевной площади стал зерносовхоз "Восточный". Восемнадцати работникам сельского хозяйства за особые заслуга в освоении целинных земель было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Среди них - Мороз А. К., Задремай-лов И. Д., Кужахметов Г. З. и др. Награжден был и председатель исполкома Адамовского райсовета депутатов трудящихся Е. Е. Рогов.

Рабочие старались на целине жить полнокровной жизнью. Строились и благоустраивались поселки. Больших успехов добились строители совхоза "Комсомольский". С 1954 по 1956 гг. Здесь было построено 24 дома, общежитие, школа, магазин, библиотека. 107 семей отпраздновали новоселье в домах, построенных на собственные средства. Стала выходить газета "На целине". Первой базой редакции стал совхоз "Каинды-Кумакский", затем редакция работала в Адаловке, в совхозах "Тобольский", "Восточный".

В совхозе "Адамовский" с 1954 по 1956 гг. 78 молодых пар сыграли свадьбу. За это же время родилось 208 мальчиков и девочек (Оренбуржье. - 1993. - 26 ноября). Узами брака соединились люди разных национальностей. В восточном Оренбуржье известна семья механизатора немца Марка Эмгрунта и чувашки Валентины Порфп-рьевой (Эмгрунт) (Госархив Ясненского района. Фонд 27, Он. 1.)

Успехам освоения целинных и залежных земель сопутствовали и недостатки. Не всегда учитывалось, что целина - это зона рискованного земледелия, сказывалась удаленность ценных районов от потребителей, распаханые земли сократили пастбища для скота, в некоторых совхозах был уничтожен почвенный слой, недостаточно внимания уделялось социально-бытовым условиям, мало обращалось внимания на культуру природопользования.

УСЛОВИЯ, в которых оказались целинные хозяйства, как и все сельское хозяйство России на современном этапе, несомненно, заметно подрывают их развитие. Но это ни в коей мере не должно затушевывать успехи и достижения целины.